

Марина Тарковская

«Теперь у нас новый адрес...»

Московские адреса Тарковских

*Порой по улице бредешь –
Нахлынет вдруг весть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.*

*Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,*

*Не то чтоб захотеть – и ввысь
Кометой взвиться над Москвою,
Иль хоть по улице пройтись
На полвершка над мостовою.*

*Когда комета не взвилась,
И это назовешь удачей.
Жаль: у пространств другая связь,
И времена живут иначе.*

*На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.*

*Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая...
Ты ею дорожи поэт,
Она – твоя Серпуховская,*

*Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет, как сгинувший со света.*

*Затем и на Земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.*

Арсений Тарковский, 1946

Москва
Телеграфный отдел
Телефонный отдел
Телеграфный отдел
Телеграфный отдел

МОСКВА САДОВНИЧЕСКАЯ
НАБЕЖНАЯ 1 КВ 7
ГОРН

РОДИТЕЛЬ СВ

СВИНЬЯ-ТАКЖЕ НАШНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ МЯСА!

СВИНЬЯ-ТАКЖЕ НАШНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ МЯСА!
СВИНЬЯ-ТАКЖЕ НАШНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ МЯСА!
СВИНЬЯ-ТАКЖЕ НАШНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ МЯСА!

Москва
20
21
22
23
24
25

Москва
17, кв. 77
Москва

Москва
17, кв. 77
Москва

Москва
17, кв. 77
Москва

А В И А

Москва
Басманная
Граховский
17-7

Ильинский
г. М. Д. 2
г. М. Д. 2

Союз Работников
Кинематографистов

4. 4. 16

Иванову А. А.

Союз
Керолина 6 кл. 4
Мираяла 2. 8
354000

103006, М. Д.
Савола - Трун
№ 4-10 кл.
Паркеско
Арсени Алек

380026 1. М. Д.
ул. Пушк. 10
Тел. 100000

9. 6. 1936
М. Д.

Москва 35
Сад. 100
ул. Березовая, 1

Москва
ул. Щиповская

CARTE POSTALE
МОСКВА

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА РОССИИ

Марина Тарковская

«ТЕПЕРЬ У НАС НОВЫЙ АДРЕС...»

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА ТАРКОВСКИХ

Москва, 2014

Марина Арсеньевна Тарковская – киновед, писатель-мемуарист, популяризатор творческого наследия своего отца – выдающегося поэта и переводчика Арсения Тарковского (1907 – 1989) и брата – кинорежиссера, классика мирового кино Андрея Тарковского (1932 – 1986).

Работала над созданием музеев Андрея Тарковского в селе Завражье Костромской области и в городе Юрьевец Ивановской области. Безвозмездно передала в эти музеи, а также в Государственный музей кино в Москве и в Литературно-краеведческий музей в городе Шуя ряд уникальных материалов и экспонатов.

Инициатор создания музея «Дом Тарковских» в Москве.

Автор книги воспоминаний «Осколки зеркала» (1999, 2006), за которую была удостоена премии «Антибукер» (1999) и премии Гильдии киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов РФ «Слон» (2006). Составитель сборников воспоминаний об Андрее Тарковском: «О Тарковском» (1989, 2002) и Арсении Тарковском «Я жил и пел когда-то» (1999). Редактор и составитель поэтических сборников Арсения Тарковского.

Секретарь комиссии по творческому наследию Арсения Тарковского при Союзе писателей Москвы. Участник многочисленных ретроспективных показов фильмов Андрея Тарковского в России и за рубежом.

М. А. Тарковская – яркий выразитель не только семейных культурных традиций выдающегося рода Тарковских, но и современной российской культуры, борьбы за чистоту классического наследия и русского языка.

Руководитель проекта и редактор – *Вячеслав Шмыров*
Макет и верстка – *Ирина Лукашова*
Фото *Натальи Бантле* и из архива *Марины Тарковской*

От автора

Написать книгу о жизни Тарковских в Москве – казалось бы, простая задача. Почти все московские адреса моих родителей и брата были мне известны, годы их жизни по этим адресам нетрудно восстановить. Однако, оказалось, что по ряду причин некоторые периоды жизни моих близких я знаю лишь в общих чертах. Чтобы восстановить подробности жизни папы, пришлось перечитать много писем и документов, переговорить с существующими свидетелями его жизни. Очень помогли мне дневниковые записи покойного нашего с Андреем крестного, поэта и фотографа Льва Владимировича Горнунга, которые велись им с начала двадцатых годов. Мне помогла и давно мною составленная книга воспоминаний об Арсении Тарковском «Я жил и пел когда-то...» (издательство «Водолей», Томск, 1999). Оказалось, что никакая работа не бывает напрасной.

Читатель наверняка заметит, что, рассказывая о московских адресах Арсения Тарковского, я называю его то по фамилии, то по имени и отчеству, то просто папой. Недавно ушедший из жизни Евгений Борисович Пастернак, который в своей работе также сталкивался с подобной проблемой, посоветовал писать так, как пишется, и не смущаться возникающими разночтениями.

Что касается той части книги, в которой рассказывается об адресах Андрея, то здесь мне помог сам Андрей, то есть его дневники, которые он начал вести с 1970 года. (История этих дневников, их содержание, условия, при которых они велись, их подготовка к публикациям – это большая и особая тема.)

Адреса домов, которые ныне не существуют, даются полностью, адреса, по которым сейчас кто-то живет, – без указания номера квартиры.

В заключение хочу сказать, что книга «Теперь у нас новый адрес... Московские адреса Тарковских» не претендует на звание научного труда и на полноту биографических сведений, она может служить лишь вспомогательным материалом к ним.

Хочу выразить признательность Библиотеке киноискусства имени С. М. Эйзенштейна, по инициативе которой появилась эта книга, а также Национальному фонду поддержки правообладателей, который нашел возможность выпустить ее в свет.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Как тысячи молодых людей из провинции, Арсений Тарковский, покончив со средним образованием в родном Елисаветграде, в двадцатых годах переименованном в Зиновьевск, устремился в столицу. Судя по датам в письмах, он приехал в Москву в июне 1925 года. К тому времени здесь уже жила семья Балиновых – единокровная сестра Арсения, Леонилла, с мужем Михаилом и сыном Игорем (Гариком). С ними жила и тетьа Вера, Вера Карловна Ильина, урожденная Тарковская, фактически вырастившая Леониллу, Лёню, как ее называли в семье. Леонилла и Михаил были актерами. Папа вспоминал, что у Леониллы было белое платье с красным поясом «гейша», и она снималась на студии Ханжонкова. В Москве Балиновы жили по адресу: ПЕРВАЯ МЕЩАНСКАЯ, СЕРЕДИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 35/4, КВАРТИРА 6. (Какое-то время улица звалась Первой Гражданской, теперь это Проспект Мира.)

Сюда и приехал Асик Тарковский. Его приезд чем-то напоминал приезд Лариосика к родным в пьесе Булгакова «Дни Турбиных». Был Асик юн, беден и голоден. Багаж его состоял из стопки книг, подушки и стеганого ватного одеяла.

«Всеми силами пытайся попасть в какой-нибудь вуз», – наставляла его мать в письме, посланном по вышеприведенному адресу. Арсений за тем и ехал, чтобы учиться. Он считал, что ему надо получить знания, необходимые поэту, – он уже выбрал для себя жизненное поприще. К сожалению юного стихотворца, Литературный институт, основанный Валерием Брюсовым, был закрыт в 1924 году, после смерти знаменитого поэта. Но именно тогда, в 1925 году, когда в Москву приехал Арсений Тарковский, открылись Высшие литературные курсы (платные,

Арсений Тарковский (слева) с друзьями: Ю. Никитиным, М. Каминским, А. Роховичем перед отъездом в Москву. Зиновьевск, 1925 г.

с правами высшего учебного заведения. Постоянного помещения курсы не имели). Туда были приглашены преподаватели закрытого Литературного института. Это был цвет московской интеллигенции – известные профессора, литературоведы, языковеды, искусствоведы, философы.

Арсений поступил на первый курс, миновав подготовительное отделение. Жил он временами у сестры на Первой Мещанской улице, а в перерывах снимал комнатенки – то где-то в районе Таганской площади, то на 20-й версте Белорусско-Балтийской железной дороги (1926 год). Точные адреса не сохранились. Более приличное съемное жилье было Арсению не по карману. Вот как описывает ту жизнь Тарковского слушательница Курсов Надежда Лапшина в своей пародийной поэме «Семейное» (1927 год):

Молодые супруги, актеры Леонилла и Михаил Балиновы. Около 1925 г.

И где-то там, на улице пустой,
Где окна крошечны и белы,
Жил я когда-то очень холостой
И был я бесконечно смелым...

В начале второго учебного года, в сентябре 1926, по возвращении в Москву из Зиновьевска, Арсений получает письмо от матери:

«Дорогой Асик! Пишу сейчас Балиновым и прошу устроить тебя у них, иначе нет возможности тебе остановиться в Москве. Ты пишешь, что комната одна около 30 рублей...»

Снимать жилье было не на что, стеснять Балиновых было неловко. Арсения на время приютили у себя поэт Георгий Аркадьевич Шенгели и его жена, тоже пи-

шущая стихи, Нина Леонтьевна Манухина. С Шенгели Арсений познакомился на Курсах, еще на вступительном собеседовании. Супруги занимали одну комнату в коммунальной квартире в ДОМЕ № 6 в БОРИСОГЛЕБСКОМ ПЕРЕУЛКЕ, наискосок от дома, где жила уехавшая в эмиграцию Марина Цветаева. В комнате у Шенгели, в которую почему-то надо было попадать через помещение детского сада, Тарковский устроил себе под столом прекрасное жилье, туда он провел освещение, поэтому мог читать в своем уединении. Супруги кормили Арсения и заставляли его писать стихи. Жизнь в семье поэтов, тесное общение с ними – образованными, очень добрыми людьми, страстно любящими поэзию, упрочило у Арсения знание поэзии и теории стиха и утвердило его в правильности избранного пути.

Он, восемнадцатилетний, считает себя настоящим поэтом, иначе бы не решался на публичное чтение своих стихов. *«Интересен результат твоего выступления в союзе поэтов и в рабочем клубе»*, – пишет его мать в письме от 5 сентября 1925 года. Судя по ответу Арсения, его выступление пользовалось успехом. Из стихов, написанных в 1925 году, сохранилось совсем немного. Вот два четверостишия. Жанр малой формы, короткого стиха, достаточно труден, но мне кажется, что юный поэт достойно справился с ним:

От этих снов я унаследовал печаль:
Истаивает воском время, море плещет,
Горит стекло, и падает слепой хрусталь.
– Но сломанной звезды крыло еще трепещет.

* * *

О тонкие стволы оперлись арки свода,
И купол радужный сияет с высоты.
Так: научись молчать. Воистину – Природа
Ненарушимый храм блаженной немоты...*

В каждом из четверостиший встречаются столь любимые Тарковским тире, которые позже, при публикациях, за редким исключением, изымались из его стихов.

Через год, в 1926-м, было написано еще одно короткое стихотворение – «Свеча». Оно, безусловно, связано с именем Марии Густавовны Фальц, самой сильной и самой горькой любовью поэта.

* Четверостишия публикуются впервые.

Мерцающая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем,
Душа горит и тело тает.

В письме к матери этого же года Арсений сообщает о своем намерении жениться (можно с большой вероятностью предположить, что на Марии Фальц), но в ответ получает панический ответ, в котором мать предупреждает сына о последствиях такого преждевременного и безумного поступка.

За время бездомного житья, то есть до женитьбы на слушательнице Курсов Марии Ивановне Вишняковой, Арсений продолжал писать, хотя занятия, связи дружеские и не только дружеские, казалось, оставляли мало времени для творчества.

Вот такие стихи посвятила Тарковскому Надежда Лапшина:

Мучай, ты пришел за этим...
Черных прядей черное кольцо...
Никогда на этом белом свете
Не забуду бледное лицо.

От тебя мне радостно и горе.
Так не любят, не любили здесь.
В каждом слове, в каждом разговоре,
Для меня твоя улыбка есть.

Пусть тебе останусь я чужая,
Женщин много, всех не перечесать,
Только я теперь наверно знаю,
Что люблю единственного здесь.

Ноябрь 1927

В конце 1927 года Арсений переехал к Марусе Вишняковой. С собой он привез «приданое», все тот же свой багаж – стопку книг, стеганое ватное одеяло и подушку. Официальный брак был заключен 26 февраля 1928 года.

Для Марии Ивановны Вишняковой Москва была родным городом, местом, где она родилась. В начале ноября 1907 года ее, новорожденную крошку, привезли в дом деда, Николая Васильевича Дубасова на ПИМЕНОВСКУЮ УЛИЦУ, в ДОМ № 36, близ Садового кольца и Каретного Ряда. На приглашении – примерно 1900 года –

Молодожены Арсений и Маруся Тарковские снялись в один день, летом 1928 г.

«пожаловать на бракосочетание» дочери Дубасовых Людмилы указан адрес: **НОВО-ПИМЕНОВСКАЯ УЛИЦА, СОБСТВЕННЫЙ ДОМ**. Название Пименовская (бывшая Ворóтниковская) улица получила по расположенной почти у самого ее конца приходской церкви ворóтников – храму святого Пимена Великого. С 1929 года Пименовская улица стала называться **КРАСНОПРОЛЕТАРСКОЙ** по расположенной на ней типографии «Красный пролетарий» (бывшая типография Кушнерева). Во время восстания 1905 года типография была штабом вооруженных рабочих, а на Пименовской улице шли бои.

В Москве с незапамятных времен жили предки Марии Ивановны по матери – бояре Дубасовы, и теперь продолжали жить ее родные. В доме на Пименовской

Николай Васильевич и Мария Владимировна Дубасовы, владельцы дома № 36 по Пименовской улице. Николай Васильевич в фуражке инженера-строителя железной дороги. Мария Владимировна отличалась красотой и строгостью характера. Художник Василий Polenov хотел писать с нее образ римлянки-аристократки для картины на библейскую тему. Но Николай Васильевич счел это недопустимым

выросла мать Маруси, Вера Николаевна Дубасова (носившая в советское время скромные фамилии своих мужей – Вишнякова, затем – Петрова).

Небольшая городская усадьба Дубасовых состояла из главного деревянного дома, флигеля и сада. Семья не была богатой. Все свое состояние Николай Васильевич Дубасов, отец нашей бабушки, вложил в компанию по постройке Московско-Киевской железной дороги. После смерти его компаньона, барона фон Мекка, наследники компании скрылись за границу со всем капиталом – об этом именно так рассказывала мне бабушка Вера Николаевна. Калужское имение «Переверзево» давало мало дохода, а в семье Дубасовых было пятеро детей.

Новая церковь Св. Пимена. Современный вид

Поэтому большой зал на первом этаже московского дома сдавался под свадьбы и балы, а флигель занимали жильцы.

Бабушка Вера Николаевна до самой революции была тесно связана с домом на Пименовской, хотя после своего брака в 1905 году с калужанином судьей Иваном Ивановичем Вишняковым переехала с ним сначала в Козельск, а позже – в Малоярославец Калужской губернии, куда он был назначен на службу. Осенью 1907 года она вернулась в Москву к матери, чтобы родить свою единственную дочь Марусю. В дедовском доме в приходе храма Святого Пимена прошли первые дни жизни нашей мамы... Крестили ее в этом же храме.

В 1918 году в дом на Пименовской без приглашения пришли вооруженные революционные солдаты и предложили бабушкиной сестре Надежде Николаевне

Николай Васильевич и Мария Владимировна Дубасовы просят Васъ пожаловать на бракосватаніе дочери ихъ Людмилы Николаевны съ поручикомъ 2-го Гренадерскаго Ростовскаго полка Алексеемъ Юлиановичемъ Ивановымъ, илжащее быти 16-го Сентября въ 7½ час. вечера въ церкви 2-го Гренадерскаго Ростовскаго полка въ Спаскихъ казармахъ, а оттуда на Ново-Пименовскую улицу, въ собствен. домъ.

(она была врачом) его покинуть как можно скорее, вместе с тремя малыми детьми. Дом теперь принадлежал «народу». С тех пор никто из семьи его бывших владельцев там не бывал. Позже дом был снесен. В храме Святого Пимена при советской власти устраивались аукционы.

Бабушка часто рассказывала о родном доме, причем, без капли

ненависти к экспроприаторам. Поэтому я знаю, какой двухсторонний диванчик стоял в прихожей и какой была керамическая ваза для тростей и зонтов, украшенная фигурой цапли. Рассказывала она и про свою первую платоническую любовь – в юности была тайно влюблена в молодого человека, студента, который жил в их флигеле.

В Москву Маруся Вишнякова, наша с Андреем мама, вернулась в 1925 году из города Кинешмы, где жила с матерью и отчимом-врачом, укрывшимися в Поволжье от лихих времен. На ЛЕНИНГРАДСКОМ ШОССЕ, в ДОМЕ № 26, куда приехала мама, после революции жила семья бабушкиной сестры Людмилы Николаевны. Ее муж – Алексей Юлианович Иванов до революции служил в царской армии, дослужился до генерал-майора, командовал Вторым Гренадерским Ростовским полком Его Высочества Великого князя Михаила Александровича. Алексей Ульяныч, как проще его называли, участвовал в Русско-японской войне, воевал против немцев в войне 1914 года. С фронта он почти каждый день посылал жене открытки, на каждой из которых стоял порядковый номер.

После революции ему как военспецу было предложено служить в Красной Армии. Как известно, это была идея Троцкого – привлечь к службе в Красной Армии кадровых офицеров царской армии из тех, кто не воевал против советской власти. Из опасения за жизнь своей семьи, а Иванов очень любил жену и троих детей, он вынужден был принять это предложение. Стал он членом Реввоенсовета, который Троцкий же и возглавлял, и начальником инспекции Московского и Ленинградского военных округов. В 1922 году во время очередной инспекционной поездки в армию Алексей Ульяныч заразился тифом и умер. Трагическая судьба ждала и его, и всю семью Ивановых, если бы он остался жить. Возможно, репрессии задела бы и нашу бабушку...

В 1925 году, когда мама приехала в Москву, семья покойного генерала Иванова еще занимала часть прекрасного особняка на Ленинградском шоссе. Дом этот до революции принадлежал хозяину московских Бегов. Какое-то время мама жила там у своей тетки. В семье было много молодежи – у маминых двоюродных сестер часто собирались подружки и приятели, друзья Николая, их брата – красавца-кавалериста. Он погибнет в 1927 году на маневрах в Кубинке. А до этой трагедии в доме устраивались вечера с танцами, звучала гитара, пелись романсы. Мама, до двенадцати лет жившая без матери, с суровым отцом, была замкнутой, застенчивой, она не могла чувствовать себя свободно в веселой компании. К тому же она много занималась, читала – готовилась к поступлению на Высшие литературные курсы. Осенью того же 1925 года стала слушательницей подготовительного отделения.

Семья покойного генерала Иванова должна была освободить квартиру на Ленинградском шоссе. Другого жилья Ивановым никто не собирался предоставлять, и вдова генерала, мамина тетка Людмила Николаевна вложила деньги в строившийся жилищный кооператив. Назывался этот кооператив товариществом «Новое жильё». Один квадратный метр жилой площади стоил 600 рублей. Мамина мать наскребла денег на комнату для дочери, часть денег она накопила, часть собрала от продажи своих вещей и украшений. Таким образом Мария Ивановна Вишнякова стала счастливой обладательницей собственной жилплощади по адресу: ГОРОХОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 21, КВАРТИРА 7*.

Переулок этот располагался в старом аристократическом районе Басманных улиц, освященных Елоховским собором и собором Никиты Мученика. В этом районе находились усадьбы полководца графа Петра Румянцева, князя Александра Куракина, представителя знаменитой династии Ивана Демидова. Здесь же рядом, на Старой Басманной улице находился дом дяди Пушкина, Василия Львовича, которого неоднократно посещал великий поэт.

* Сейчас под № 21 значатся гараж и блочный дом советской, времен застоя, постройки.

Гороховский переулок, дом № 21. На фото видна арка, через которую был проход во двор, где на территории завода медприборов «Технолог» находился дом «от застройщика», в котором жили Тарковские

В этом районе старинных храмов, дворцов и особняков почему-то был построен завод медицинских приборов. В его дворе расположился кирпичный дом № 21, попасть в который можно было через проходную, где сидел вахтер. Комната мамы находилась на первом этаже, была маленькой и узкой, с венецианским окном, выходящим в сад, который, вероятно, был частью близлежащей усадьбы.

Мама оказалась в одной квартире со своей теткой, Людмилой Николаевной Ивановой и ее старшей дочерью. Соседями по дому были семьи Дубянских, Вихманов, Руклевских. Младшая дочь Людмилы Николаевны, работавшая в парфюмерном отделе ГУМа, была замужем за заведующим отделом Леонидом Орадовским и жила в ведомственном доме треста ТЭЖЭ (Трест экспериментальных жиров и эфиров) по адресу: 1-й ЩИПОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 26, КВАРТИРА 2 (сейчас 1-й ЩИПКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК). Так что связанный с биографией нашей семьи адрес был знаком Тарковским уже с конца 1920-х годов.

Гороховский переулок, дом № 21 (строение 1). Современный вид.
Дом с аркой снесен

Первые годы жизни в Гороховском переулке совпали у мамы с ее учебой на Литературных курсах. Помимо посещения лекций (занятия проводились в школьных зданиях, по вечерам), надо было много работать – читать учебники, древнерусскую, классическую и современную литературу, сидеть в читальном зале Румянцевской библиотеки. На Курсах у мамы появились подруги, с которыми она дружила всю жизнь, – Надежда Лапшина, Наталья Радченко (Баранская), Нина Лурье (Алексенко), Мария Молодых. Думаю, что именно Надежду и Марию упоминает Маруся Вишнякова в своей открытке к Арсению Тарковскому, тогда слушателю второго курса.

«19.XI.27.

Арсений! Пожалуйста, не возгордайтесь (от слова возгордиться), у меня тоже была ангина не хуже Вашей. Вы не сердитесь, звонила по моему поручению Н. Я не хотела, чтобы Вы охали. Теперь сижу в постели, но я совсем жива.

Мария держит меня в терроре. Звонить больше не буду. Напишите, что и как. Ради бога, больше не выходите. Теперь будьте спокойны, что я не уеду. Пока и т. д. и т. д. и т. д. М.».

В ответ мама получает лаконичную записку от Арсения, которая изменила всю ее жизнь:

«Маруся. Я тебя люблю. Ася».

В 1928 году, с февраля месяца, в Гороховском переулке, доме 21, кв. 7 стала жить молодая семья – законные муж и жена Арсений и Маруся Тарковские. Жили бедно, на стипендию и случайные заработки Арсения и на небольшие деньги, которые присылали их матери. Однако жизнь молодых была полна радости и впечатлений. Дни были заполнены занятиями, встречами с друзьями-поэтами, чтением стихов, посещением литературных вечеров, театров и концертов, поездками по Подмосковию.

В своих письмах к матери Арсений боится тревожить ее и своих тетушек сообщениями о женитьбе – они были против его раннего брака, «без жилья, без постоянного заработка»... В письме от 25 апреля 1928 года он, уже женатый, пишет матери осторожно:

«Марусю ... я очень люблю, и все обстоит благополучно. Я, кажется, на ней буду жениться – деньги заведутся, если будут необходимы, буду больше зарабатывать».

В письме от 27 апреля молодые супруги признаются наконец в совершенном «преступлении». В P.S. к письму Асик пишет:

«Мамця, я на Марусе женился». «А я на Асике женилась, Мария Даниловна, милая, Вы его не ругайте. Я его очень люблю и делаю так, чтобы ему было хорошо, забочусь о нем. ... Так что Вы о нем не беспокойтесь, и вообще не беспокойтесь – все прекрасно, в случае чего, я Вам всегда напишу.

Для первого знакомства я боюсь много писать, поэтому до свидания. Целую – крепко. Маруся».

Первые годы совместной жизни Маруси и Асика были самыми счастливыми в их жизни. В Гороховский переулок горячо любимой жене посылал Арсений письма и телеграммы из своих поездок. Вот письмо с Украины – Тарковский едет через Харьков в Зиновьевск:

«7 февраля 1929.

Моя дорогая, славная, любимая деточка. Вот мы отъезжаем от Харькова, – только теперь я могу отдать тебе отчет средней определенности в совершенных мною (или роком) поступках. Так: из Москвы мы выехали в 12 часов ночи – вместо половины девятого, а в Харьков приехали в 8 часов вечера вместо часа – 20 дня. Так российские тракты дурно влияют на характер путешественников. Юра (Юрий Никитин, актер, ученик Курбаса, работал на Киевской киностудии с Александром Довженко. Погиб в лагере. – М. Т.) был на спектакле, Ната (жена Никитина. – М. Т.) больна легкими, Коля (Николай Станиславский, театральные режиссер. – М. Т.) не дождался моего поезда и скоростно уехал к себе на дачу, в Липовую рошу, название которой нужно понимать иносказательно, так же, как и Кузнецкий мост или, скорей, Марьину рошу. Я приехал, стало быть, к Юре, откуда за ним в театр, он освободился к 10 вечера – с этого часа начинается то, что называется употреблением спиртных напитков, приносящих радость...

Вот без тебя я так чувствую, как ты мне нужна и как я не могу без тебя, родненькая, жить. Напишешь ли ты в Елисаветград? Я не знаю, как беспокоюсь. ... Устрой так, чтобы я приехал к тебе, как можно раньше. Крепко целую, любимая моя, – не забывай своего медведя...»

А вот выдержка из письма заботливой и хлопотливой Марусиной матери из Кинешмы:

«22 мая 1929 года.

Дорогой Манюшок!

...Как вы поживаете? Отчего не присылаете белье? (Как образцы для шитья нового. – М. Т.) Ведь у вас нет самого необходимого, рубашек и кальсон Асику. Бедный мой беспризорный зять! Я тебе и ему купила по прорезиненному плащу (с обеих сторон). Не знаю, присылать ли вам их, напиши скорей. Они хороши, когда вы будете ездить на экскурсии. Конечно, мне очень хочется тебя и Асика повидать, но видит Бог, если ты погостишь у папы (у маминого отца умерла его вторая жена, и он остался вдовцом с тремя маленькими детьми. – М. Т.) дольше (только если это не в ущерб твоим бедным нервам), я не обижусь. Делай так, чтобы это было тебе под силу и не забывай себя. Вот я мыкалась с ремонтами, да с переездами, все боялась, чтобы Николай Матвеевич не простудился, вот и свалилась. ... Хорошо еще, что есть палисадник, да вид хорош, точно как Венеция, а то хоть плачь. ... Асик, бедный, худой, это меня изводит. Так и хочется подкормить его хорошенько. ... Еще одна вещь – мне интересно знать состав твоей крови, нет ли у тебя малокровия... Будь добра, сходи на Малую Лубянку, Фуркасовский

переулок, Институт исследования крови. Исследование надо сделать общее на предмет малокровия. Сколько стоит, я отдам, знаю, что пустяк. Твой вид перед отъездом не дает мне покоя, ты была так бледна, что ужас. ...Я тебе послала короб специально, чтобы ты в него уложила новую шубу и платья получше (конечно, в нафталин и сперва посушить хотя бы час и почистить щеткой). Посуду и примус тоже заприте в кухонный шкаф. Вот и все. Целую ваши мордашки крепко, крепко. Да хранит вас Господь и Царица Небесная. ... Деньги вышлю завтра и послезавтраго. Закажите по этому рецепту, мне очень необходимо, в аптеке на Басманной или где есть».

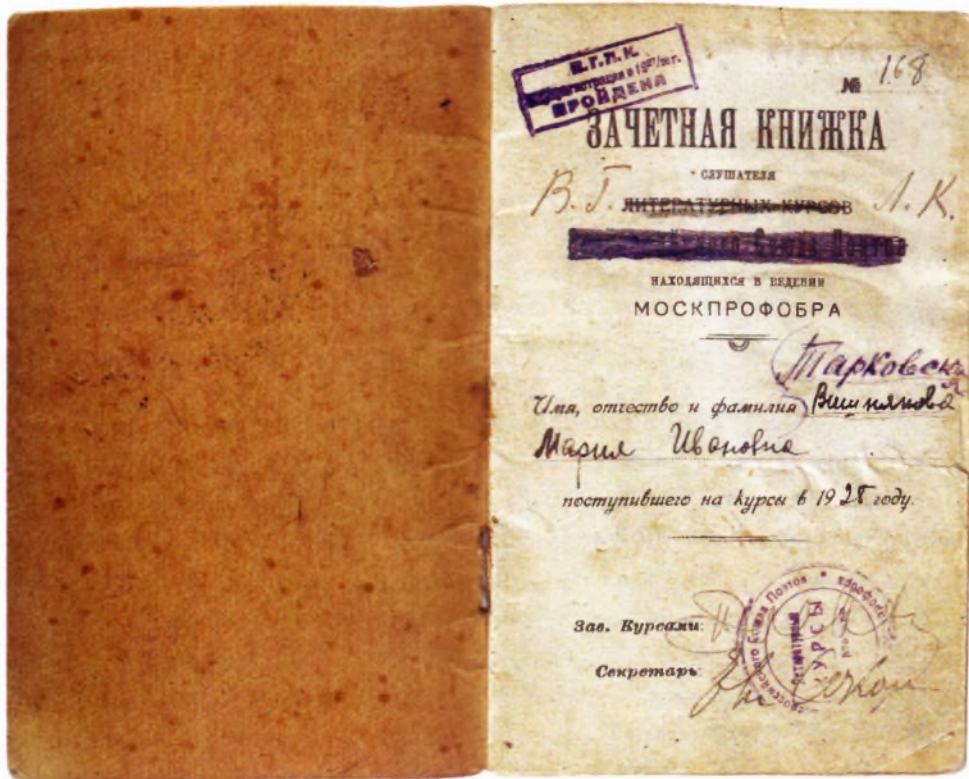
В 1929 году Курсы были закрыты, «потому что состав студентов не удовлетворял требованиям, которые теперь предъявляют ВУЗам: рабочие и крестьяне, да еще партийцы», – писал Арсений матери 30 августа 1929 года. Поводом к закрытию Курсов послужило самоубийство одной из слушательниц, дочери крупного советского военного. После долгой неопределенности выяснилось, что слушатели четвертого курса могут сдать выпускные экзамены в 1 МГУ. Но папа уже распротился с учебой. В 1930 году уехал к своей теще на Волгу в село Завражье (тогда Ивановской, теперь Костромской области) поправлять здоровье – ее муж, врач Николай Матвеевич Петров находил у него начатки туберкулеза.

Мама понимала, что ей необходимо закончить образование, ведь Курсы имели статус высшего учебного заведения.

В письме, которое Маруся написала Арсению в июне 1930 года, слышны нотки папиного голоса – преувеличение беспокойств и страхов, столь свойственных матери Асика и ему самому, обилие уменьшительных суффиксов. Это бессознательное подражание – свидетельство тесной связи, которая возникает у любящих людей. Однако в письме различается и собственный мамин голос.

«16.VI.30.

Родной Кот! Сегодня ждала открыточку и нет. Сейчас 9 ч. вечера, будет наверное завтра. Как вы доехали? Мне ужасно стало страшно ночью, когда вы ехали – бедные мамка, Асик и Туська (собачка. – М. Т.), ночью в поезде – страшно так. Особенно Туське страшно. Я вообще чувствую панику перед поездом ночью... По моим расчетам так: 19–20 сдать (экзамен. – М. Т.) Поспелову, 23–24 издательское дело и стиховедение и 25 выехать (к Арсению, на Волгу в Завражье. – М. Т.). Не ругай меня, родной, мне это так важно, а отдохнуть я успею осенью, ведь тогда можно будет побольше посидеть в деревне – а то тащиться в августе

в Москву и сдавать, да нить, чтобы позволили. Теперь я управлюсь в 10 дней, а осенью нужно будет все сначала – это ужасно.

Целый день читала и прочитала 80 страниц, из толстой ВКП мне осталось 205 стр. Я уже подошла к XIV съезду...

Гребеночка твоя дома. Щетку ты зубную оставил – обезьяна несчастная. Потом ругаю я вас (не очень) – кто из вас увез продовольственные карточки? Их нигде нет. Покупаю хлеб по двойной цене. Поищите в карманах и пришлите.

Была вчера у Левушки (Горнунга. – М. Т.)... Книг он мне не достал – обещает – вот тоже обезьяна, придется ходить в Румянцевку.

Напиши мне большое письмо про деревню, про Туську и про купанье. Сделай городки.

Мне ужасно страшно, что ты не пишешь, ради бога, не утони.

У нас ветер, на улицу почти не хожу, но при мысли, что ветер, начинает болеть голова. Грызу сухарики (вкусные купила) и целую Асика, Туську, мамку и Николая Матвеевича.

*Я в платице крапинками и мне ужасно жаль Мусишку (саму себя. – М. Т.).
Никто ее не пожалеет. Напиши, чтобы она училась, все сдавала, а потом бы ехала.
Не сердись – вопрос стоит так – или сейчас кончать или совсем бросить после
таких мучений...*

Твоя Мусишка».

Папа очень скучал в Завражье и несмотря на разумные мамины доводы все-таки вытребовал ее к себе. Так она и осталась без законченного высшего образования, о чем позже очень сожалела. Но никогда мы с Андреем не слышали от нее нареканий в адрес папы.

Жизнь продолжалась. В 1929 году Арсений вместе с Марусей и поэтом Владимиром Любиным написали либретто детской пьесы для рабочих клубов. Вопрос о заключении договора затягивался, и пьеса в 2–3 печатных листа (по 208 рублей за лист!) так и не была написана. Арсений продолжал зарабатывать на жизнь литературным трудом, работал в газете «Гудок», для которой сочинял судебные очерки, литературные фельетоны и басни. Свои стихи писал «в стол». К 1930 году им было написано много, но опубликовано всего два – «Свеча» в сборнике «Две зари» (издательство «Никитинские субботники», 1926) и «Хлеб» в журнале «Прожектор» (1928).

Свои самые ранние стихотворения Арсений Александрович уничтожил, когда он уже не жил с семьей. Придя в 1-й Щиповский в отсутствие мамы, он забрал тетрадь, где они были записаны, и ее то ли сжег, то ли порвал.

Из стихотворений, написанных в 1926–1929 годах, поэт включал в свои сборники стихотворение, впоследствии названное «Перед листопадом». В первой редакции этого стихотворения говорилось о жизни в узкой комнате в Гороховском переулке и о милой, которая приходит к поэту, задевая ветви деревьев. Через несколько лет «милая» будет изъята из его сердца, а четверостишие, где говорится о ней, – из стихотворения. Хотелось бы думать, что из творческих соображений. Вот первая версия этого стихотворения:

Я был один. Только осень осталась.
Таяла прожельть листвы за окном.
Сколько в стекле голубом отражалось
Шороха осени в доме моем.

Как шелестела за книжную полкой,
За штукатуркой мышиной стены,
И ускользала холодной иголкой
Из онемелой руки тишины.

Только – когда я глаза закрываю,
Милая тихо приходит ко мне,
Низкие ветви рукой задевая
И беспокойно вздыхая во сне.

Или – я в комнате узкой не вправе
Слышать, что листья шуршат за окном
И рассыпается розовый гравий
Под осторожным ее каблуком.

Вот – я в сентябрьском тревожном покое,
Все позабыв, ничего не тая,
Слышу – и не понимаю, – на что ей
Темная нежность и память моя?

1929

Папа уже в молодости страдал наследственным заболеванием печени. Во время приступов холецистита (тогда это название болезни еще не вошло в обиход) мама отпаивала папу соком редьки. Однажды, в самом начале их знакомства, в 1928 году Лев Горнунг застал Арсения во время сильного приступа. Об этом он написал экспромт.

«КСТАТИ О РЕДЬКЕ

*Мой экспромт поэту Арсению Тарковскому, которого я застал,
когда его кормили тертой редькой от камней в печени.*

Как некий лакомый кусок,
С утра Вы пили редькин сок.
Ах, редька не дана мне!
Напиток этот не для фей,
Он так же сильно, как Орфей,
Воздействует на камни!

Лев Горнунг».

Во время очередного приступа болезни случился забавный случай. Соседка, услышав стоны папы, подумала, что он страдает с похмелья, и со словами «Гражданин, а гражданин, огурца хотите?» – преподнесла ему на блюде соленый огурец. Об этой истории папа вспомнил в поэме 1977 года «Чудо со щетлом», переместив ее, эту историю, в более раннее время и в другие обстоятельства:

...Дверь настезь! Вижу донце блюда
И руку. Слышу:
– Гражданин!
Возьмите огурец соленый! –
И блюде брякнулось на стул,
И все затихло. Пораженный
Явленьем жизни возрожденной,
Не заплакавшись, я заснул...

Круг знакомых Тарковского и его жены был достаточно широк. Молодые поэты группировались вокруг Арсения Алексеевича Альвинга (Смирнова) – поклонника Ибсена (отсюда и его псевдоним), прозаика, поэта, теоретика стиха, бывшего основателя издательства «Жатва» (вместе с Е. Курловым) и одноименного альманаха. В начале 20-х годов, за два года до приезда папы в Москву, Арсений Альвинг организовал общество «Кифара», филиал петербургского, призванное изучать и пропагандировать творчество Иннокентия Анненского. Его членами были поэты Петр Зайцев, переводчик-германист Дмитрий Усов, Евгений Архиппов, Александр Ромм, брат будущего кинорежиссера, братья Борис и Лев Горнунги. На некоторых собраниях общества присутствовали София Парнок, Максимилиан Волошин.

Лев Горнунг и позже продолжал оставаться младшим другом Альвинга (он и хоронил его в 1942 году). Гражданской женой Арсения Алексеевича была поэтесса Нина Михайловна Подгоричани. Жили они бедно и к жизни были абсолютно не приспособлены. Позже и Альвинг, и Подгоричани были репрессированы, но вернулись из лагерей.

В 1928 году Тарковские встретились у Альвинга со Львом Горнунгом, с тех пор и началась их тесная дружба. В январе 1930 года Тарковский и Горнунг наметили основные мероприятия по поводу 25-летия литературной деятельности Арсения Альвинга. К этому юбилею Тарковским был написан поздравительный акростих.

Гороховский переулок, дом
№ 21, кв. 7.
Маруся и Арсений Тарков-
ские. 1929 г. Фото Л. Гор-
нунга

Близкими друзьями Арсения Александровича были его однокурсницы, поэ-
тессы Мария Петровых и Юлия Нейман, а позже – Владимир Любин и поэты,
приехавшие в 20-е годы из Одессы – Семен Липкин и Аркадий Штейнберг.

Арсений высоко ценил Семена, Сему Липкина, любил его и его стихи. Через
много лет в письме-завещании с фронта он писал Марии Ивановне о своем жела-
нии включить Липкина в число составителей его посмертной книги стихов. В по-
слевоенные годы дружба нарушилась, и причина, насколько мне известно, была
серьезной. Году в 1975-м дружба «воскресла», но уже не была близкой и довери-
тельной, как некогда.

В бытность Тарковских в Гороховском переулке туда часто приходил Аркадий, Кадик Штейнберг, тем более что жил поблизости. К тому же Тарковский и Штейнберг в 30-х годах стали соавторами – переводчиками черногорского поэта-эмигранта Радуле Стиенского (Марковича).

Визиты Штейнберга в Гороховский часто кончались тем, что они с Арсением уходили, чтобы провести поздний вечер или раннюю ночь где-нибудь в Клубе писателей или в поэтической богемной компании. Маме это не нравилось, не нравился и некоторый цинизм Аркадия, его легкомыслие и шуточки, под которыми, возможно, он глубоко прятал свою внутреннюю жизнь.

Было у молодого Тарковского стихотворение, которое называлось сначала довольно неблагозвучно – «Обжора». Позже это название в рукописи было зачеркнуто, стихотворение о творчестве, в котором Шекспир переключается с немецкими романтиками, называлось теперь по строке из четвертой строфы – «Я научился добрый суп варить». Оно вошло в число четырех стихотворений, которые были представлены Тарковским на соискание стипендии молодым поэтам (которая и была им получена). В этом стихотворении автор также широко использует тире.

Я НАУЧИЛСЯ ДОБРЫЙ СУП ВАРИТЬ

- Поэзия – плохое ремесло,
- Зеленый плащ мне вовсе не к лицу,
- И ливень золотой не по глазам.
- А что касается коротких шпор –
- Пускай они голодный воздух рвут.
-
- Я научился добрый суп варить
- Из крупной соли в каменном горшке,
- Я научу тарелки – говорить,
- Большие глиняные кружки – петь;
- Кто есть умеет, тот умеет пить...

1929

И вот, уже в 1931 году, Аркадий Штейнберг пишет ответ на это стихотворение, которое друзья читали-«смаковали» в Гороховском переулке, усевшись на кровать в узкой комнате с окном, которое хозяйка открывала даже зимой, чтобы спасти от никотина легкие своего мужа.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Я научился добрый суп варить
Из крупной соли в каменном горшке...*

Арсений Тарковский

В таком переулке, что не разобрать
Съедобное именованье, ты варишь
Испытанный суп, мой веселый собрат,
Мой добрый, мой нелицемерный товарищ!
Давай-ка присядем с тобой на кровать
И станем горячую снедь смаковать,
Пока накрывает хозяйка, и лампа
К шагам твоего пятистопного ямба
Прислушивается, пока, умилен,
Пускается в слезы фламандский лимон.
Пока, равновесие дыма нарушив,
Табачным обилием упоена,
Одетая розовым заревом кружев,
Откроется в ночь крестовина окна...

Жизнь в Москве в конце 20-х годов была сложной. Вот что пишет Арсений в письме к матери 11 сентября 1929 года:

«Милая мамуся, ... мы, кажется, писали тебе, что может выйдет что-нибудь с обменом комнат, – но теперь уже ясно, что все старания тщетны. Завод, на территории которого наша квартира – хочет что-то устроить с ней (кварт.), ему нужно наше помещение, но ничего и здесь не выходит, – они не могут даже найти комнатушки для дворника, которого хотят отсюда выселить, – в Москве комнату найти также невозможно, как мешок с золотом, даже мешок с золотом, пожалуй, легче, детуня моя, как безумны все эти комнатные дела, никогда они не увенчаются успехом. Ждем Веру Николаевну (маму Маруси. – М. Т.), она обещала помочь в ремонтном деле, – нужно переделывать печь, оклеивать комнату, штукатурить и проч. ...»

Москва – совсем сумасшедший город, дикий шум, адское движение, на трамвай попасть вдвое трудней, чем в прошлом году, раньше были такие часы, когда они не были переполнены, теперь только после 12 ночи, и то не на всех можно ездить спокойно. Хлеб есть по карточкам, и белый, и черный, чая дают по $\frac{1}{8}$ фунта на месяц, – очень плохо...»

Арсений Тарковский входил в число молодых поэтов, не стремящихся обслуживать советскую власть. В конце 20-х годов такие поэты еще могли заявлять о себе выступлениями на литературных вечерах в Союзе поэтов или на Никитинских субботниках. Однако в 1932 году он не смог удержаться на Всесоюзном радио, где придумал серию передач о великих композиторах, а также был автором радиопьес. Мне известны лишь два названия – «Торф» и «Стекло».

Вот что писал Тарковский о радиопьесе «Стекло» в газете «Говорит СССР» (31 декабря 1931 года): «Это драматическая поэма или героическая песня, написанная белым стихом. Пятистопному нерифмованному ямбу присущ разговорный характер; вместе с тем он лирически напряженный и наиболее радиогеничный». В пьесе один из персонажей, ученый Ломоносов возмущается «на отсутствие подлинного интереса со стороны академиков, на косность двора и царицы Елизаветы, которую он долго не может уговорить построить стекольный завод».

После выхода в эфир передачи «Стекло» (3 января 1932 года) именно за присутствие в пьесе Ломоносова автор был обвинен в мистицизме, после чего был вынужден уйти с радио. А вслед за своим уходом Арсений получил судебный иск на 300 рублей – он должен был вернуть выплаченный ему аванс.

С большой любовью и почтением относился Арсений к Аркадию Александровичу Шенгели, поэту и стиховеду, которого впервые увидел на собеседовании при поступлении на Высшие литературные курсы.

Среди молодых поэтов, друзей Тарковского, коренным москвичом был Лев Владимирович Горнунг (1902–1993). Мать его, дочь француженки-гувернантки, служившей у князя Козловского, умерла, когда Льву было 18 лет. Лев Владимирович не смог продолжить образования – оно окончилось с наступлением революции. Он был талантливым человеком – писал стихи, рисовал, а когда у него появился фотоаппарат, стал замечательным фотомастером. Ко всему этому Лев Горнунг был прекрасным педагогом. Много внимания он уделял детям – своему племяннику Мише Горнунгу, Андрюше и мне.

В официальной культурной жизни Москвы Лев Владимирович не занял подобающего места. В молодые годы работал одно время в ГАХНе (Государственная Академия художественных наук, 1921–1930), откуда был «вычищен», то есть уволен, помогал художнику Фейнбергу в работе по оформлению к праздникам рабочих клубов, занимался переводами, перевел, в частности, трагедию Корнеля

Гороховский переулок, дом № 21. Арсений Тарковский в виде летучей мыши висит на дереве. 1929 г.
Фото Л. Горнунга

«Радогунда». Был непрактичен, не умел «пробиваться», тем более что после войны стал постепенно терять зрение.

Он был самым близким, преданным другом и помощником Тарковских, крестным отцом их детей. Жил Лев Владимирович на Балчуге, на набережной обводного канала по адресу: САДОВНИЧЕСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, ДОМ № 1, КВАРТИРА 7.

Туда часто заходили многие друзья и знакомые братьев Горнунгов, Бориса и Льва. С 1928 года стали бывать супруги Тарковские. Однажды, не застав Льва Владимировича дома, они оставили такую записку: *«Левушка, мы были у Вас с Марусей с визитом и не застали дома Вашего сиятельства! Приходите к нам при мундире, шпаге и эполетах, дабы мы могли увидеть Вас во всем присущем Вам блеске. Увы. Почему Вас нет дома? М. и А. Привет».*

Друзья часто ездили в заповедные места Москвы и Подмосковья, на пароходике плавали по Москва-реке, бывали в Царицыне, Коломенском. 21 января 1930 года Арсений, Маруся и Лев Горнунг поехали в Симонов монастырь. В ночь на шестую годовщину смерти Ленина продолжалось варварское уничтожение Симонова монастыря, были взорваны пять из шести древних церквей – на их месте должен быть возведен клуб автозавода (теперь им. Лихачева). По воспоминаниям Льва Владимировича, в ограду их не впустил милиционер, но из-под ворот было видно, что летний храм лежит в развалинах – уже взорван. Башни еще стояли, но от колокольни осталась лишь нижняя часть. В ночь на 22 января должны были взрывать стены. Подошел взвод красноармейцев для закладки динамита, сверлились стены. *«Настроение у всех было жуткое, как перед казнью, – записал Горнунг. – Кругом ходят какие-то люди приличного вида, беспомощно смотрят друг на друга, прислушиваются. Кто-то из «Старой Москвы» с аппаратом. Среди окружающего населения паника. Вот уже вторую ночь лопаются стекла, летят кирпичи от взрыва церкви»...*

Как-то октябрьским вечером 1930 года Лев Владимирович зашел к Тарковским. Ему повезло – он «поспел к горячей картошке с постным маслом»! А вдобавок Арсений переписал для него свое новое стихотворение, которое нравилось Льву.

В январе 1931 года произошло грандиозное событие – Тарковский купил пишущую машинку, стоила она 15 рублей! И вот уже машинка разобрана, Арсений ее с увлечением чистит. Он мечтает теперь переписывать на ней свои стихи.

Садовническая набережная, дом № 1. Арсений Тарковский в гостях у братьев Бориса и Льва Горнунгов.
1930 г. Фото Л. Горнунга

А в жизни Льва Горнунга в это же время тоже произошло «историческое» событие – Тарковский выменял для него у кого-то «Романтические цветы» Гумилева (парижское издание 1908 года) на четыре книжки гумилевского же «Шатра». И теперь у Льва есть все издания книг Гумилева! А Гумилев был расстрелян в 1921 году, всего десять лет назад, по обвинению в участии в антисоветском заговоре.

7 октября 1931 года, в день рождения Льва Владимировича, на оборотной стороне своей фотографии Арсений написал поздравительный сонет:

7 октября – Льву Горнунгу

Вот бедный облик мой. Зачем душой
От первых дней я так тянулся к лире?
Не для того ль, чтоб славить в этом мире
Мою любовь и день рожденья твой?

И вот – поет любви родник живой, –
Ручей печальный в нищенской порфире,
Как и когда-то, при слепом Омيره,
Как будет петь – в беспечности земной.

Прими же приношение поэта:
Ты не отвергнешь моего сонета –
Возьми его. Как беден твой поэт!
Но дружбу выражает мой подарок,
Любви вовеки не померкнет свет;
Да будет над тобою полдень ярок!

С 27 января 1931 года Тарковский отбывает вневойсковой сбор – каждый будний день по три часа (с 6 до 9 вечера) он обучается «всяким премудростям военного характера» – из него готовят пулеметчика. На это уходит три часа, да еще по часу «на ходьбу туда и обратно». Сбор продолжается до марта. Привычный распорядок дня нарушается, времени на литературную работу почти не остается.

В марте 1932 года родители поехали в заволжское село Завражье, где все еще жили Петровы. Мамина мать настояла, чтобы мама рожала именно у ее мужа, врача Николая Матвеевича. Ждали девочку, было уже готово имя – Марина, а 4 апреля родился мальчик и стал горячо любимым сыном.

Возвращение в Москву. Ожидание парома через Волгу. Маруся Тарковская с Андрюшей на руках, рядом с телегой, нагруженной вещами, Вера Николаевна Петрова, мать Марии Ивановны. Осень 1932 г. Фото Л. Горнунга

В начале осени мама с Андрюшей возвратилась домой в Москву, в Гороховский переулочек.

Примерно с 1933 года Тарковский начал переводить стихи национальных поэтов. Для него это был тяжкий, изнурительный труд.

«Марусенька, я лег спать в 6 часов (утра. – М. Т.), перевел одну песню, строчек 20 и не могу больше, да и ту перевел ужасно плохо. Я в отчаянии, совсем без сил. Что делать? Разбуди меня часа в 2. Папа Ася. Крепко целую».

Осенью 1934 года у Тарковских было уже двое детей. 3 октября 1934 года в Малоярославце, где на даче до осени жила Мария Ивановна с Андрюшей, на свет

Маруся Тарковская с Андрюшей и его двоюродной сестрой Верочкой Шокотко на прогулке. Зима 1933 г.
Фото Л. Горнунга

Гороховский переулок, двор дома № 21. Арсений Тарковский с сыном Андрюшей. Весна 1934 г.
Фото Л. Горнунга

Молодые поэты Аркадий Штейнберг и Арсений Тарковский. Ок. 1933 г. Фото из архива Н. Л. Манухиной

появилась долгожданная девочка. Имя искать не пришлось, назвали ее Мариной, в честь Цветаевой. Радость от появления на свет дочки сменилась осложнениями в быту.

Папа обычно работал по ночам, днем должен был отсыпаться. У мамы и у маленьких детей был свой режим. Жить в одной комнате стало невозможно.

Тогда и возникла идея обмена жилплощади.

Мамина двоюродная сестра Людмила Орадовская со своим мужем переезжают в комнату Тарковских, а Тарковские – в их две десятиметровые комнатки. Так в жизни семьи Тарковских появился этот адрес: 1-й ШИПОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 26, КВАРТИРА 2.

Итак, из Немецкой слободы Тарковские переехали в Замоскворечье. В то время оно уже оказалось сильно затронутым переменами. От новой власти больше всего пострадали многочисленные замоскворецкие церкви. Их использовали для самых разных нужд – обезглавленные храмы стали складами, хранилища-

Арсений Тарковский за работой. Около 1933 г.

ми архивов или книг, клубами, кинотеатрами. Однако оставались в сохранности здания, построенные купцами в конце XIX века – в частности, на улице Щипок богадельня Солодовниковых и Александровская больница (сейчас она находится в ужасающем состоянии).

Четыре Щиповских переулков были названы так по близлежащей улице Щипок, от старого «Щупок». Там некогда находилась таможенная застава, где возы с сеном протыкали щупом для обнаружения контрабандного товара. Название переулков не раз варьировалось – их называли то Щипковскими,

1-й Шиповский переулок,
дом № 26. Дом собирались
отреставрировать...

Через эту дверь входили в дом →
дорогие, любимые люди...

Марина Тарковская у дома № 26.
Фото Б. Хеммингют. 1992 г.

Теперь на месте дома котлован...
↓

то Щиповскими. На карте Москвы 1912 года, до войны 1941 года и после нее устоявшимся названием была последняя форма. (На этой же карте указаны один Щиповский и Большой и Малый Мартыновские переулки.)

Старое поколение москвичей недоумевает, почему лет десять назад городские власти поменяли название переулков на «Щипковский». Какой в этом был смысл, какая историческая или грамматическая необходимость?

Немного об истории дома № 26. «На плане города Москвы 1850 года хорошо видно обширную территорию, огородами и пашнями простиравшуюся далеко за пределы сформированного впоследствии квартала и домовладений в нем...

В 1876 году вновь нарезанный участок принадлежал Иллариону Гаврилову, московскому мещанину, который купил эту территорию у Постувалова. В северо-восточной части владения располагался обширный сад.

В 1878 году владение перешло к крестьянину А. Е. Елохину, который пожелал поставить по красной линии двухэтажный смешанный (низ каменный, верх деревянный) особняк, прямоугольный в плане. К 1889 году был выстроен лишь первый каменный (кирпичный) этаж, и в этом же году Елохины обращаются с просьбой к этому объему пристроить со стороны двора двухэтажный смешанный объем, который с прежним образует сложный в плане дом.

В начале XX века недостроенное домовладение переходит к аптекарскому помощнику В. Я. Шефтелю, при котором возводится второй деревянный этаж. В 1913 году домовладение принадлежит фабрично-торговому товариществу «Полякъ А.». Рядом находилась парфюмерная фабрика, деревянные сараи на участке использовались для ее нужд. Для фабрики был поставлен в северо-западной части участка двухэтажный склад для стекла, надстроенный позже третьим этажом»^{*}.

Большинство домов в 1-м Щиповском переулке были одно- или двухэтажными, деревянными, до революции принадлежавшими частным лицам, в основном торговому, купеческому сословию. Некогда к домам примыкали большие участки, занятые садами и огородами. В советское время дома эти превратились в густонаселенные коммуналки – «клоповники», как их называли. (Кстати,

^{*} По материалам историко-архитектурного обследования центра Москвы. Моспроект-2. мастерская № 17. 1994 г.

клопы были тогда неистребимы, а вот тараканов почему-то не было, они появились в 60-х годах.)

Большие дворы, окружавшие дома, были раздольем для ребятишек из коммунальных квартир. Собирались дворовые компании, играли в самые разные игры, в зависимости от возраста – в прятки, салочки, казаки-разбойники, девочки – в классики, прыгалки. Ребята постарше – в ножички, в пристеночек, расшибалку, жосточку. В военные и послевоенные годы по рукам ходило много настоящего оружия – немецкие кинжалы, финки. Мальчишки что-то взрывали – ценился карбид (было много несчастных случаев), мастерили самодельные пистолеты, свинцовые кастеты.

Народ, живший в 1-м Щиповском переулке, был весьма разношерстным. Выходцы из деревень ближайшего Подмосковья, ведь рядом находился Павелецкий вокзал, становились вокзальными носильщиками или рабочими завода имени Ильича, бывшего Михельсона, где в 1918 году эсерка Каплан стреляла в Ленина. Встречались среди обитателей этого, как сейчас говорят, микрорайона, интеллигентные и полуинтеллигентные люди – и среди жителей коммуналок, и среди жителей квартала новых домов – корпусов из красного кирпича, расположенных между 2-м Щиповским переулком и Большой Серпуховской улицей. (Подобные корпуса были построены и на ее противоположной стороне.) Территория эта продолжала называться Ляпинка, по имени благотворителей – купцов братьев Ляпиных, построивших там в 1885 году двухэтажные деревянные оштукатуренные дома – общежития для учащихся женщин и бедных вдов. С Большой Серпуховской улицы в квартал этих общежитий вели ворота с кирпичными столбами, за воротами входящих встречала церковь, построенная тогда же в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Построена она была в 1882–1884 годах и освящена 2 февраля 1885 года. Служили в церкви архиереи, участвовавшие во Всероссийском Поместном соборе 1917–1918 года. А в мае 1918 года здесь служил Тихон, Патриарх Московский. В 1923 году церковь была закрыта и превращена в клуб, позже этот клуб открывался только во время выборов. Глава храма в восточной части и звонница при входе были снесены. Сейчас в здании бывшего храма находится офис.

К 1934 году от домов общежитий оставалось лишь два или три, где жила самая разная публика. (Теперь уже нет ни одного из этих зданий.)

Географию района, где стали жить Тарковские, можно изучить по более позднему стихотворению папы «Порой по улице бредешь». Там есть и магазин

Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». До его закрытия

Вид со стороны входа в храм и с его противоположной стороны

В 1923 году церковь была закрыта и превращена в клуб →

В настоящее время там размещается офис

1-й Щиповский переулок, дом № 26, кв. 2.

Диктант: за партой Маруся Тарковская в роли ученицы и Лев Горнунг в роли учителя. 1935 г.

Снимал Арсений Тарковский

«под часами» на углу Большой Серпуховской улицы и Арсеньевского переулка (сейчас ул. Павла Андреева), и Серпуховская (теперь Добрынинская) площадь, и новая чайная, позже ставшая пивной, на Большой Серпуховской.

Порой по улице бредешь –
Нахлынет вдруг весть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть – и ввысь
Кометой взвиться над Москвою,
Иль хоть по улице пройтись
На полвершка над мостовою.

Когда комета не взвилась,
И это назовешь удачей.
Жаль: у пространств иная связь,
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая...
Ты сю дорожи, поэт,
Она – твоя Серпуховская,

Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет, как сгинувший со света.

Затем и на земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.

1946

Переезжали Тарковские на новое место жительства перед самым Новым годом, холодным днем 28 декабря 1934 года. Ехали на грузовике – Маруся с детьми в кабине, Арсений и друг семьи Лев Горнунг – в кузове вместе с вещами, скорее – на вещах.

«Дорогой мой Левушка! – пишет Горнунгу с Волги наша бабушка Вера Николаевна. – Поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю всего самого лучшего в жизни. Очень рада, что наши благополучно водворились на Щипок. Я так боялась за это великое переселение народов, да и теперь не уверена, что кто-нибудь из вас не простудился, сидя на высоте... Я не представляю, что Вам теперь к нашим ездить ближе или дальше? ... В чем ходит Арсений? Есть ли у него шуба? (Так называли зимнее пальто. – М. Т.) Нужна ли Андрею в экстренном порядке шапка или его ему не мала? Я Вам пришлю денег, а Вы им купите от меня на новоселье торт по-лучше, а Андрейке фруктов. Всего лучшего.

В. Петрова».

Дом № 26 был ведомственным, принадлежал парфюмерному заводу, расположенному глубже во дворе. В 1932–1936 годах жители часто замечали проезжавшую на машине жену Молотова Полину Жемчужину, которая в те годы была управляющей парфюмерным трестом (ТЭЖЭ). Воздух «благоухал» не «Красной Москвой», знаменитыми тогда духами, по слухам составленными до революции для императрицы, а специфическими химическими испарениями, вряд ли полезными для здоровья.

Квартира № 26 была коммунальной, там жила еще семья Гликман, старики-родители, их сын Елиазар Иосифович с красавицей женой Марией Борисовной и домработница Настя. С Гликманами у Тарковских сложились добрые соседские отношения, они могли даже пользоваться их телефоном.

Из бытовых удобств в квартире был кран с холодной водой на кухне и сырая уборная с высоко подвешенным бачком и фарфоровой ручкой на цепочке для слива. Готовили на керосинках и примусах. Стирали в корытах белье, отапливались дровами, дровяные сараи были на внутреннем, «заднем» дворе. Окна квартиры № 26 были расположены низко, в комнатах было сыро, а у Тарковских было и темно, так как одно их окно смотрело в кирпичную стену соседнего здания, а второе выходило во внутренний двор.

Несмотря на то, что заботы о детях и хозяйственные обязанности отнимали у мамы почти все время и все силы, она находила возможность бывать в театрах, в концертах, на выставках. Чаще всего бывала там со Львом Горнунгом, дети, в виде исключения, оставались с отцом. Вот, к примеру, 1935 год. Мама была 7 мая – на выставке Валентина Серова в Третьяковской галерее, 20 декабря –

Лялин переулоч, дом № 7/21.

Мария Даниловна Тарковская с внучкой Верочкой, дочерью Леонииллы от второго брака с Сергеем Шокотко. 1937 г.

на концерте певца Анатолия Доливо в Доме ученых (он пел романсы Шумана), 26 декабря – в МХТ на спектакле «Женитьба Фигаро».

Кстати, в мае 1935 года в Москве появились троллейбусы, и открылась первая линия метро, и москвичи с любопытством и радостью их осваивали. *«10.05.1935. Проехал в первый раз в троллейбусе, – записал в дневнике Лев Горнунг. – Вечером был у Руклевского*. Он ездил в метро, в восторге».*

Родственные, теплые отношения связывали Арсения и Марусю с его единокровной сестрой Леонилой Александровной Тарковской (по первому мужу Балиновой, по второму – Шокотко). В тридцатые годы она жила уже в ЛЯЛИНОМ ПЕРЕУЛКЕ, УГОЛ БОЛЬШОГО КАЗЕННОГО, в ДОМЕ № 7/21, рядом с Покровкой. Красивый доходный четырехэтажный дом был построен в 1902 году, с угла был вход в булочную.

Леонила, или как все ее звали, Лёня, занимала большой зал в многокомнатной коммунальной квартире, в которой некогда могла жить семья какого-нибудь богатого съемщика. Потолок зала был отделан под темный дуб, но главной достопримечательностью был огромный камин, в котором свободно мог бы поместиться человек среднего роста. Над камином возвышалось зеркало, в него никогда никто не мог посмотреться – так высоко оно было расположено. В кухню ходить было далеко, она была в самом конце длинного коридора, и муж тети Лёни вместо того, чтобы вылить воду после мытья чашек в кухонную раковину, предпочитал ее выпить. Во время войны он

* Художник-плакатист, сосед Тарковских по Гороховскому переулку. Был репрессирован, вернулся из лагерей.

Лялин переулок, дом № 7/21. Современный вид

1-й Щиповский переулок, дом № 26, кв. 2. Арсений Тарковский с книгой Гауфа «Сказки». Около 1935 г.
Фото Л. Горнунга

заболел, слег и умер от голода в огромной ледяной комнате с коричневым потолком.

До войны жила там вся семья – Леонилла с мужем, с сыном от первого брака Игорем Балиновым, с Марией Даниловной Тарковской, папиной матерью и с маленькой дочкой Верочкой Шокотко. Со временем комната была для удобства жителя перегорожена шкафами.

Была тетя Лёня доброй, милой, но абсолютно неприспособленной к жизни. Карьера актрисы не удалась, после войны она работала страховым агентом.

В Лялин переулок часто приходил папа навестить сестру и мать. Наша мама очень любила тетю Лёню, часто встречалась с ней, особенно когда они с папой

жили близко – в Гороховском переулке. Если мама уезжала из Москвы, то часто писала ей письма

Писал и папа своим родным в Лялин переулок, часто обращаясь и к «мамочке» и к «Ленусе». Леонилла Александровна со вторым мужем, Сергеем Сергеевичем Шокотко, во время войны оставалась в Москве. Сын тети Лёни Игорь (Гарик) Балинов был на фронте. Зимой 1942 года папа приезжал в Москву на полтора дня, «останавливался у Лёни и спал там в диком холоде».

Осенью 1935 года Арсений Александрович начал писать поэму «Слепой». Он изучал психологию слепых, рассматривал в специальной медицинской книге типичные лица слепцов. Льва Владимировича раздражало увлечение такой темой – мог ли он тогда предполагать, что через годы станет незрячим. В это время Тарковский серьезно увлекся творчеством Некрасова, которого во всей полноте открыл для себя впервые. Мечтал об издании своей книги стихов. Его мать говорила, что тот не поэт, кто не издал своей стихотворной книжки.

Наступил 1936 год. В семье Тарковских постепенно нагнетается мрачная атмосфера – тяжкий быт, теснота, уход за маленькими детьми изматывают Марию Ивановну. Она ходит на Зацепский рынок – «Марину и молочный бидон на руку, Андрея за руку», а Арсений спит. Ее воззвания о помощи, о правильном режиме начинают его раздражать. Он совсем не хочет расставаться с семьей, но ему хочется свободы. Ночная переводческая работа, полная забот семейная жизнь... К тому же его здоровье, нервная система не в порядке.

Апрель 1936 года. Настроение в семье скверное. У Арсения болят зубы, Андрюше во дворе кирпичом рассекли верхнюю губу, он спит перевязанный. (Шрам на губе у Андрея остался на всю жизнь.)

2 мая 1936 года Арсений уезжает в Симферополь и в Ялту – в Дом отдыха. Писем от него пока нет. Мария Ивановна беспокоится о муже, ждет от него писем. Ее мать сомневается, что Арсений вернется домой. Наконец, 17 июня, Мария Ивановна получает толстенный конверт с крымскими открытками и нежными словами, настроен Арсений «семейственно». Оказалось, что в Симферополе он попал в больницу. 4 июля Арсений возвращается – раньше срока. Но через некоторое время обстановка в доме опять становится напряженной – по причине «предательской» записки от какой-то женщины. И речь уже заходит о разводе...

1-й Щиповский переулок, дом № 26, кв. 2.
Андрей и Марина Тарковские на диване у соседа
дяди Лени Гликмана. 1937 г. Фото Л. Горнунга

Как жаль, что никто не посоветовал Марии Ивановне прощать, уступать, закрывать глаза на то, что ей не нравилось в образе жизни и в поведении мужа. Но как ей было справиться с жизнью, когда не было регулярных денег, о няне даже речь не шла, и стирка, и готовка, и топка печки, и покупки (в том числе дров и керосина) – почти все на ней.

Но вскоре случилась настоящая катастрофа – Арсений Александрович знакомится с Антониной Александровной Бохоновой, женой критика Владимира Тренина из круга

Маяковского. К Трениным его привел приятель – поэт и переводчик Владимир Бугаевский. Лето 1937 года Тарковский собирается провести в Тарусе в семье Трениных. Мария Ивановна собрала ему чемодан. После ухода мужа она бросилась вслед, приехала на Курский вокзал, но в вокзальной толчее его не нашла.

Так закончилась жизнь Арсения Тарковского в семье в доме № 26 по 1-му Щиповскому переулку. Но он продолжал бывать «на Щипке» у детей и, конечно, видаться с бывшей женой.

Мария Ивановна отправила детей в Юрьевец к своей матери, а сама с 13 ноября 1937 года стала работать в 1-й Образцовой типографии им. Жданова – ВАЛОВАЯ УЛИЦА, ДОМ № 28 (бывшая типография И. Д. Сытина, которая значилась по адресу: Пятницкая улица, дом № 71), сначала подчитчицей, а через год – корректором. Проработала там с перерывами до ухода на пенсию в 1962 году. В 1-м Щиповском переулке Мария Ивановна жила до 1970 года, когда она переехала на Юго-Запад Москвы в семью дочери.

1-й Щиповский переулок, дом № 26, кв. 2. Арсений Тарковский пришел навестить детей. 1938 г.
Фото Л. Горнунга

1й ЩИПКОВСКИЙ
ПЕРЕУЛОК

ПАРТИЙНЫЙ
ПЕРЕУЛОК

НОТАРИУС

1
КОРП.

ПГ
3-12

Партийный переулок. Современный вид.
Здание, расположенное по этому переулку,
принадлежит Электромеханическому заводу
им. В. И. Ленина

Сквер на углу Павловской улицы и 1-Щипковского переулка
Здесь располагался квартал домов Партийного переулка

Итак, началась новая эра в жизни Арсения Тарковского. Новая жена – Антонина Александровна Бохонова, новый адрес: ПАРТИЙНЫЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 3, КВАРТИРА 1. Это совсем рядом с 1-м Щиповским переулком. Партийный переулок находился близ проходной бывшего завода Михельсона. Когда-то в этом переулке (фактически, и переулка не было, было скопище старых деревянных домов) находился райком партии большевиков, отсюда и его название. Одноэтажный дом № 3 стоял во дворе, окруженный такими же дореволюционными домами. Общие «удобства» в виде грязного деревянного сооружения находились в этом же дворе. (В 1960-х годах на месте этого квартала домов был устроен сквер, установлен памятник В. И. Ленину и памятный камень на месте покушения на него.)

Жилище Антонины Александровны состояло из двух комнат коммунальной квартиры. Первая комната, в которую попадали из темного коридора, была без окон и соединялась арочным проемом с другой, два окна которой выходили в аллею сквера. В квартире № 1 жила еще одна семья – Чайковские, мать, отец и их дети.

Начало жизни папы с Антониной Александровной совпало с разгулом репрессий. Кругом исчезали люди, в 1937 году арестовали Аркадия Штейнберга. Говорят, что каждый пятый писатель был секретным сотрудником. Вербовали и папу. Он ответил, что ему приходится часто ездить в командировки в обществе своих собратьев по перу, а он очень нервный и говорит во сне. Это было, кстати, абсолютной истиной. Помогло, от него отстали.

В те годы папа много переводил, действительно много ездил по республикам. История, произошедшая с ним в Дагестане, породила легенду о дагестанском происхождении нашей семьи, в которую почему-то очень верят некоторые авторы книг о Тарковских. Седобородый житель одного селения в Дагестане, услышав папину фамилию, сказал что он их князь и попытался даже поцеловать его руку. Папа рассказал об этом случае кому-то из друзей, и эта история легла в основу мифа. (Результаты моих многих поездок на родину Тарковских на Украину, итоги работы в архивах, подлинная родословная говорят о польском происхождении семьи.)

В первые годы папиного ухода родителям и детям было очень тяжело. Папа приходил, чтобы забрать свои книги (он предложил маме оставить те, которые она хочет) или навестить детей (у меня каждая встреча вызывала слезы).

1-й Щиповский переулок, дом № 26, кв. 2. Андрей и Марина Тарковские сняты на фоне географической карты. В 1941 году Мария Ивановна взяла эту карту с собой в эвакуацию. 1939 г. Фото Л. Горнунга

Он часто передавал для нас подарки, а из командировок всегда присылал письма или открытки.

*«Маруся! Вот игрушки и книжки для детей. Склей картинки – в книжку надо вклеить – сделай это при Андрее и научи его свинчивать конструктор. Целую тебя.
А.»*

«Милый Андрюшенька! Как ты живешь, мой родной? Почему ты так редко пишешь? Я скучаю по тебе и по Мариночке. Напиши мне, как ты живешь с ней: не ссоритесь ли вы? Поцелуй ее от меня крепко, и пусть она тебя за меня поцелует. Я вас обоих очень люблю.

Папа».

«Милый Андрюша! Вот вам с Маришкой посылочка. Попроси маму или бабушку разделить посылку между вами. Лучше кушайте всё пополам, сделайте так, а куколку – Мыши (Марине. – М. Т.). Целую, папа».

«Маруся! Это елочные украшения, елку я куплю и принесу. Бутылочки тоже, может быть, дать сейчас, я потом куплю. Оставляю 80 рублей.

А.».

В 1938 году Арсений Александрович ездил в Туркмению переводить поэта Кемине, в 1939-м – в Грузию и в Чечено-Ингушетию, был в Грозном и в поселке Ведено. Его сопровождала Антонина Александровна со своей дочерью Еленой.

В сентябре 1939 года, после выяснения с ней отношений, Арсений в душевной смуте уехал в Ленинград, где заболел дифтерией. Оттуда на адрес мамы, в 1-й Щиповский переулок, приходит от него письмо со стихотворением, посвященным Тоне, он просит маму его сохранить.

Когда тебе скажут, что ты не любила, – не верь,
Скажи им:
– Он скоро придет,
Он любит меня, он, должно быть, в трамвае теперь,
Он, верно, стучит у ворот.

А я в ленинградской больнице лежу – и от слез
Писать не могу, потому
Что письма твои санитар мне сегодня принес
И трудно мне быть одному.

Когда тебе скажут:
– Что было – сгорело дотла,
Забудь же и думать о нем. –
Подругам ответь:
– Я недаром правдивой слыла:
Теперь он стоит за окном.

А я за окно не смотрю. Что мне делать в беде?
Вернуться к тебе? Никогда.
Напиться хочу – и глаза твои вижу в воде.
Горька в Ленинграде вода.

1939

К Антонине Александровне Тарковский вскоре вернулся. Была и веселая, почти богемная жизнь, были и ссоры – папа был несправедливо ревнив.

В шуточных стихах Тарковского появилась тема «пса и кошки» (автор-пес любит жену-кошку, она его сначала «отвергает», а потом выпускает в дом):

Пес дворовый с улицы глядит в окошко, –
Ну и холод, ветер поземный, холод лютый!
Дома печки натоплены, мурлычет кошка,
Хорошо нам дома: сыты, одеты и обуты.

Меху-то сколько, платков оренбургских, чулок
да шалей, –

Понапряли верблюжьего пуху, навязали фуфаяк,
Посидели возле печки, чаю попили, друг другу
сказали:

– Вот оно как ведется в декабре у хозяек! –
Подумали, пса позвали: – Оставайся на ночь,
Худо в тридцать градусов – не одету, необуту.
С кошкой не ссорься, грейся у печки,
Барбос Полканыч:

В будке твоей собачьей хвост отморозишь в одну
минуту.

1940

Тема «пса и кошки» продолжится через несколько лет в «Кошкином альбоме», посвященном Т. А. Озерской, третьей жене Тарковского, со стихами и иллюстрациями Арсения Александровича. Интонация этих стихов будет иная.

В 1940 году Тарковский был принят в Союз писателей СССР. В те годы Союз, созданный Сталиным для присмотра за писателями, предоставлял своим членам льготы – путевки в Дома творчества и санатории, оплаченные больничные бюллетени, пионерские лагеря и детские сады для детей.

В сентябре 1940 года Арсений и Мария Тарковские официально разводятся. Антонина Александровна попросила папу, чтобы Мария Ивановна не оставляла себе его фамилию, и мама снова становится Вишняковой. Маме было очень больно, она не любила свою фамилию, она связывала ее со своими тяжелыми детскими переживаниями – с разводом родителей и расставанием с матерью.

Наступает 22 июня 1941 года, и все довоенные страсти, хлопоты, заботы, радости и горести кажутся ненужными и ничтожными перед лицом войны.

Теперь у Арсения Тарковского две заботы – отправить в эвакуацию близких и вступить в ряды защитников родины. Союз писателей отправлял семьи писателей в Ташкент и в Чистополь. Папа пишет обращение в Союз писателей Узбекистана с просьбой оказать содействие матери его детей Марии Ивановне Тарковской (Вишняковой). (Фамилия «Тарковская» здесь необходима: ее знают в Союзе писателей в Ташкенте):

«Ташкент, Союз писателей.

Дорогие товарищи! Мои дети с их матерью едут к вам, в Ташкент – вероятно, на все время войны. Я уйду в Армию. Очень прошу вас оказать им содействие, а Марии Ивановне Тарковской (Вишняковой) – помочь устроиться на работу: она очень культурный человек и может вам пригодиться. После войны я сделаю все для того, чтобы переводить ваши стихи – больше и лучше! За вероятную помощь буду очень, очень благодарен! Привет! А. Тарковский.

9.VII.1941».

Но мама не едет ни в Ташкент, ни в Чистополь, куда уезжает Антонина Александровна со своей дочерью Еленой Трениной. Она выбирает Юрьевец на Волге, где жила ее мать, и где у матери есть бронированная комната.

В Москве папа выступает с чтением стихов перед москвичами, а также проходит военную подготовку с писательским ополчением. По состоянию здоровья его признают негодным к строевой службе. Он отпрашивается в Правлении Союза писателей, ему необходимо отвезти в Чистополь свою мать. Выезжает с ней в день 16 октября 1941 года, когда немцы стояли у порога Москвы. В Чистополе работает в колхозе и на разгрузке баржи дров для отопления писательских семей.

Постоянно пишет в Союз писателей заявления с просьбой отправить его на фронт во фронтовую печать.

В декабре Тарковский в Москве и ждет назначения в Действующую армию. 3 января Приказом НКО СССР за № 0220 зачислен писателем армейской газеты. 6 января 1942 года получил назначение в Действующую армию.

Из письма в Чистополь, к матери, Марии Даниловне Тарковской:

«6.I.42. Москва.

Милая мамуля! Сегодня я получил назначение (в 12 ночи) в Армию и послезавтра уезжаю. Остальные подробности есть в открытке, которую я пишу вместе с этой Тонечке. Вероятно, ты долго не будешь получать писем, потому что я буду ехать на фронт и может быть по дороге не будет почты. Если будет какая-нибудь возможность писать – я напишу. Я тебя очень люблю и дорожу тобой, ты это помни...»

Это было назначение на должность писателя фронтовой газеты «Боевая тревога» 16-й (позже 11-й гвардейской Краснознаменной) армии...

3 октября 1943 года Арсений Александрович приезжает в кратковременный отпуск в Москву. Наградой за его военный подвиг был орден Красной Звезды и этот отпуск, которого ему пришлось долго ждать. О его приезде в Переделкино к детям, уже вернувшимся из эвакуации, рассказал Андрей в фильме «Зеркало».

Война кончилась для Тарковского 13 ноября 1943 года, когда он был тяжело ранен в ногу немецкой разрывной пулей. В январе 1944 года он уже лежит в госпитале по адресу: УЛИЦА БОЛЬШАЯ СЕРПУХОВСКАЯ, ДОМ № 27 (с ноября 1945 г. – Институт экспериментальной и клинической хирургии, затем Институт хирургии имени А. В. Вишневского). Это совсем недалеко и от Партийного, и от 1-го Щиповского переулка. Профессор Вишневский произвел очередную ампутацию и сумел остановить газовую гангрену. Арсения Александровича навещают Антонина Александровна, которая ездила за ним в Калинин (теперь снова Тверь), и Мария Ивановна. Навещают отца и дети. Мучительную встречу с раненым отцом, лишившимся ноги (на ее месте они увидели пустоту, прикрытую одеялом), дети запомнили на всю жизнь. Не случаен в фильме Андрея документальный кадр человека без ноги, с костылями, приникшего к памятнику павшим солдатам, – это память о папином ранении.

Антонина Александровна ухаживала за мужем после выписки его из госпиталя. Делала перевязки, приглашала к нему врача, который выводил его из глубокой депрессии.

Тоня любила мужа. Когда Арсений на костылях возвращался домой, она бросалась к нему навстречу, помогала снять пальто – ведь именно в таких, казалось бы, мелочах проявляется любовь.

Самое большое семейное событие конца 1945 года – это решение издательства «Советский писатель» выпустить книги стихов Тарковского, несмотря на убийственную внутреннюю рецензию критика Евгении Книпович. Она отнесла

Здание госпиталя, где в 1944 году лежал А. А. Тарковский. Сейчас – один из корпусов Института хирургии имени А. В. Вишневского

стихи Тарковского к черному пантеону русской поэзии – Сологуб, Мандельштам, Гумилев, Ходасевич. Так со слов папы записал в дневнике перечень имен опальных поэтов Лев Горнунг. В то время такая рецензия могла сильно повредить автору сборника. И хотя редактор «хорошо» поработал над его структурой, тридцативосьмилетний поэт с нетерпением ждал его выхода из печати. Но грянувшее 14 августа 1946 года постановление ЦК КПСС «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» заставило руководство издательства приостановить печать, заматрицировать книгу и отложить матрицы до лучших времен. Прошло время, и матрицы книги были уничтожены. Арсений Александрович утешал себя тем, что выход книги навлек бы и на него, и на издательство нападки критиков.

1946 год для Тарковского ознаменовался – здесь уместно это торжественное слово – встречей с великой Анной Ахматовой. Они познакомились в доме Г. А. Шенгели и Н. Л. Манухиной. С тех пор, приезжая в Москву, Анна Андреевна непременно приглашала Тарковского ее навестить. Чаще всего она останавливалась у Ардовых по адресу: УЛИЦА БОЛЬШАЯ ОРДЫНКА, ДОМ № 17.

Какая странная закономерность – папа и мама сблизилась в 1927 году, через десять лет, в 1937-м, папа ушел к Антонине Бохоновой, еще через десять лет, в 1947-м, начался его роман с Татьяной Озерской, и он ушел от Тони...

В 1947 году в записных книжках у знакомых Арсения Тарковского появился еще один его адрес: ПЛОТНИКОВ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 10. Мне известно только, что в этой квартире он жил совсем недолго, занимал там одну комнату, видимо, ее временно снимал.

В сентябре 1948 года Литфонд выделяет Тарковскому комнату в коммунальной квартире по адресу: КОРОВИЙ ВАЛ, ДОМ № 22, КВАРТИРА 4.

Свое название эта старинная замоскворецкая улица получила по Коровьему рынку, находившемуся некогда у Серпуховских ворот. В 20-е годы XIX века после сноса Земляного Вала участок Садового кольца от Серпуховских до Калужских ворот стал улицей Коровий Вал. С 1952-го до 1990 года улица эта называлась Добрынинской. Сейчас ей возвращено старое название, но, вопреки логике, Серпуховская площадь так и осталась Добрынинской (в память о рабочем Добрынине, погибшем в бою с юнкерами в 1918 году).

Поблизости, на Житной улице, еще стояло здание со стеклянной крышей – бывшая киностудия Ханжонкова, где в двадцатых годах снималась папина сестра Леонилла Александровна Балинова.

Дом на Коровьем Валу был старой постройки, скромно декорированный, покрашенный светлой краской по кирпичу. Квартира, естественно, была коммунальной, там жила еще одна жилища, немолодая портниха. Папина комната, величиной примерно в 15 квадратных метров, была неширокой, вытянутой в длину, с высоким потолком, с широким итальянским окном. Подоконник, как во всех старых домах, тоже был широким, и на нем стояли папины горшки с цветами, в том числе и кактус-суккулент. Это именно о нем было написано стихотворение «Кактус».

КАКТУС

Далеко, далеко, за полсвета
От родимых долгот и широт,
Допотопное чудище это
У меня на окошке живет.

Что ему до воκлюзского лавра
И персидских мучительниц-роз,
Если он под пятой бронтозавра
Ластовидной листвою оброс?

Терпеливый приемш чужбины,
Доживая стотысячный век,
Гонит он из тугой сердцевины
Восковой криворукй побег.

Жажда жизни кору пробивала, –
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

1948

Комната была выкрашена в «ампирный» зеленый цвет. Таким были стены комнаты Нины Герасимовны Яковлевой (в замужестве Бернер) в ТЕЛЕГРАФНОМ ПЕРЕУЛКЕ, в ДОМЕ № 9 (до 1924 года – Архангельский переулоч, по названию церкви Архангела Гавриила. В середине XVIII века он назывался Меншиковым переулочом, так как храм был известен под названием Меншикова башня). В той комнате Тарковский часто бывал и там в 1940 году он встретился с Мариной Цветаевой. «Встретились, взметнулись, метнулись», – написала в своих воспоминаниях Нина Герасимовна.

Улица Коровий Вал, дом № 22, кв. 4. Арсений Тарковский в своей комнате с зелеными амбирными стенами.

На фото слева: Тарковский сидит за старинным бюро, на подоконнике виден кактус, вдохновивший поэта на создание известного стихотворения. *На фото справа:* на застекленной горке виден портрет дочери Марины, написанный Андреем и подаренный им отцу, 1948 г. Фото Л. Горнунга

Улица Коровий Вал. Современный вид. На месте зеленого сквера стоял дом № 22

Папа со вкусом и любовью обустроил свое жилье. Получение комнаты совпало у него с получением денег за переводы стихов туркменского классика Махтумкули. Комнату украсили стеклянная горка (в ней стояли фарфоровые чашечки старых заводов и старинное стекло), старинные секретер и диванчик, обитый серебристой тканью. Висело овальное зеркало, присутствие которого подтверждают фотографии, сделанные на Коровьем Валу Львом Горнунгом.

В этом зеркале частенько отражалась Татьяна Алексеевна Озерская. Она бывала в зеленой комнате (кстати, и одевалась она в зеленое, в эту «униформу рыжих женщин», как писал Драйзер), но еще не жила там постоянно. Отношения с Арсением Александровичем пока не определились. Тарковский не собирался жениться в третий раз. (Он разведется с Антониной Александровной только через два года.)

На фотографиях, снятых Львом Владимировичем в ту пору, папа не выглядит счастливым. Он осунувшийся, грустный. Со времени его ранения шел пятый год, и теперь он все больше осознавал непоправимость своего положения, страдая от фантомных болей. Испытывает он и чувство вины перед Тоней. Папа уже погружается в тот «омут чуждой воли», о котором с мыслями о самоубийстве писал в 1947 году в Ашхабаде. Два года назад «зарубили» его сборник, надежда на его издание не было. Достаточно бед для одного человека.

Однако жизнь продолжалась – была переводческая работа, нелюбимая, но необходимая и мастерски выполняемая Тарковским. В его комнате на Коровьем Валу мы с Андреем часто бывали. На горке стояла картина, подаренная отцу Андреем – мой портрет его работы.

Там можно было встретить его знакомых и друзей-литераторов – В. Звягинцеву, К. Паустовского, Л. Славина с женой, В. Бугаевского, С. Липкина, Л. Горнунга, сестру Татьяны Алексеевны Озерской – милейшую Наталью Алексеевну, Ю. Верховского, которому, кстати, был послан «Сонет пригласительный», полный горькой самоиронии:

СОНЕТ ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ

Слугой размеров стихотворных, строф и
Созвучий был я много лет подряд,
Лез на рожон и черту был не брат, –
Боялся лишь застрять на апострофе!

Я видел правду не в стеклянном штофе,
А в ней самой. Теперь, как говорят, –
Я – переводчик; – и просить Вас рад
Приехать к нам не на стихи: на кофий!

Я мало на Парнасе волховал.
Немало есть возвышенностей в мире;
И новый адрес мой: Коровий Вал,
Дом 22, квартира же – 4.

Быть может, есть Парнас, да не про нас.
Коровий Вал – вот это мой Парнас.

1948

Сейчас на месте, где стоял дом № 22, проходит автомобильная дорога, проложенная через живое городское тело.

В 1948 году Тарковский едет в командировку в Туркмению для работы над переводом каракалпакского эпоса «Сорок девушек». Как и в 1947 году, Озерская сопровождает его в качестве секретаря...

3 октября мне исполнилось 14 лет. Отец дал маме денег на покупку часов для меня. Согласно семейной традиции, в этом возрасте ему подарил часы его отец. Было это в 1921 году в Елисаветграде. Теперь в Москве, Мария Ивановна поймала момент, когда в ювелирный магазин в начале Большой Серпуховской улицы привезли часы. Выстояв очередь, она купила дамские часы «Победа», которые были мне вручены от папиного имени.

Возможно, что именно к этому дому на Коровьем Валу в 1949 году подъехала черная цековская машина, и товарищ в темном костюме пригласил папу «проехать» с ним. Куда? Папа мог только гадать... Оказалось, что привезли его на Новую площадь в ЦК партии, где предложили поработать над переводом юношеских стихотворений Сталина. Тарковскому был вручен портфель с их подстрочными переводами. К семидесятилетию вождя члены ЦК хотели издать книгу его стихов. Потом заказ был отменен по требованию Сталина, портфель с подстрочниками и частью сделанных переводов попросили вернуть. Переводчику был выплачен неожиданно большой гонорар.

Теперь трудно восстановить, когда именно (в начале 50-х годов?) Арсений Александрович расстался с комнатой на Коровьем Валу и переехал в мансардную квартиру по адресу: ВАРСОНОФЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 4. Это была квартира Татьяны Алексеевны Озерской и ее мужа Николая Васильевича Студенецкого, газетного работника, милейшего и добрейшего человека. Произошел обмен – папина комната на Коровьем Валу была обменена на соответствующую площадь в Варсонофьевском переулке. Небольшая эта квартира из двух комнат и кухни находилась на самом верху многоэтажного доходного дома начала XIX века буквально под самой крышей. Подниматься туда надо было по узкой черной лестнице, а потом, уже в самой квартире – спускаться на несколько ступенек вниз. Папе попасть в «поднебесную» квартиру было очень трудно. Но ему разрешалось иногда подняться на лифте на четвертый этаж и пройти через квартиру любезных ее обитателей. Затем оставалось преодолеть только два лестничных марша черной лестницы вверх и спуск вниз. Продолжалась такая жизнь довольно долго, с перерывами на командировки и на жизнь в писательских Домах творчества. (Так сложилось, что папа, так любивший дом, будь то комната в коммуналке или квартира, провел многие годы в этих, по его словам, «домах терпимости» с общими удобствами в конце коридора, с постоянным общением с окружающими его людьми. Это было удобно его жене, не любившей домашнего хозяйства, зато очень много занимавшейся переводческой работой.)

26 января 1951 года Арсений Александрович заключает брак с Озерской – это было его подарком, обещание, данное в Татьянин день, день ее именин.

22 марта 1951 года умирает А. А. Бохонова, с которой папа развелся в декабре 1950 года. Он провожает ее в последний путь. Ему было очень тяжело, он считал себя виновным в смертельной болезни Антонины Александровны. Скорбные стихи в ее память звучат как запоздалое раскаяние и светлое воспоминание о прошедшей любви.

Жизнь меня к похоронам
Приучила понемногу.
Соблюдаем, слава Богу,
Очередность по годам.

Но ровесница моя,
Спутница моя бывая,
Отошла, не соблюдая
Зыбких правил бытия.

Варсофьевский переулок, дом № 4. Слева – окна мансардной квартиры, где когда-то жил Арсений Тарковский

Несколько никчемных роз
Я принес на отпеванье,
Ложное воспоминанье
Вместе с розами принес.

Будто мы невесть куда
Едем с нею на трамвае,
И нисходит дождевая
Радуга на провода.

На следующем развороте:

Варсофьевский переулок, дом № 4. Современный вид
Чтобы попасть в квартиру Татьяны Алексеевны Озерской, надо было войти в арку и пройти через двор

ПРОСАВТОБАНК
ОБМЕН ВАЛЮТЫ
ТОРГОВАЯ
3041 \$ 3086
4190 € 4242
ОСЛАТА КОММИНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СЧЕТА
ДЕПОНОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ
VISA
МАГИСТРАЛЬНАЯ СЕТЬ БАНКОВ

4
СТРОЕНИИ

И при желтых фонарях
В семицветном оперенье
Слезы счастья на мгновенье
Загорятся на глазах,

И щека еще влажна,
И рука еще прохладна,
И еще она так жадно
В жизнь и счастье влюблена.

В морге млечный свет лежит
На серебряном глазете,
И за эту смерть в ответе
Совесь плачет и дрожит,

Тщетно сияясь хоть чуть-чуть
Сдвинуть маску восковую
И огласку роковую
Жгучей солью захлестнуть.

1951

В 1951 году Тарковским была куплена половина дома в Голицыне, где уже с законной женой Татьяной Озерской-Тарковской и с ее сыном Алексеем Студенечким он жил постоянно несколько лет...

Прошло пять лет со дня смерти Сталина, забрезжил, наконец, луч света – наступила хрущевская «оттепель».

Правительство начало решать проблему улучшения жизни деятелей культуры. Появились жилищные кооперативы, возможность с рассрочкой на 15 лет купить отдельную квартиру.

Папа вступил в ЖСК «Московский писатель». Этому первому писательскому кооперативу около станции метро «Аэропорт» во многом повезло. Первоначально ему была выделена земля на Садовом кольце, на углу Садовой-Каретной и Каретного Ряда, но Большой театр отвоевал эту территорию для строительства своего кооперативного дома. Сейчас – это место с интенсивным автомобильным движением, сильно загазованное и шумное. «Московскому писателю» была предложена территория возле уже существовавшей станции метро «Аэропорт», которой в те времена пользовались редкие пассажиры. Район был тихим, зеленым. Самая большая удача состояла в том, что в строительстве дома писате-

Арсений Александрович Тарковский. Москва.
Около 1960 г.

лей был заинтересован Константин Симонов – известный советский писатель и поэт, главный редактор журнала «Новый мир», секретарь Союза писателей СССР, кандидат в члены ЦК КПСС, член ЦРК КПСС. В то время Симонов, разведясь с женой и оставив квартиру своей бывшей семье, нуждался в жилье. Он взялся за дела жилищного кооператива «Московский писатель» и, естественно, у него были большие возможности. Симонов добился многого – семиэтажный дом был построен из высококачественного светлого кирпича, потолки были на 35 сантиметров выше установленного стандарта для домов такого типа. Он сам поехал в Финляндию и привез оттуда кухонное оборудование для всех квартир, в некоторых квартирах были установлены ореховые шкафы для книг.

Летом 1957 года строительство было закончено, и папа стал обладателем квартиры в писательском кооперативном доме по адресу: 2-я АЭРОПОРТОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 7/15. Через несколько лет, в 1961 году, изменились название улицы и номер дома – УЛИЦА ЧЕРНЯХОВСКОГО, ДОМ № 4.

В квартире было три комнаты – две смежные, одна побольше, там помещалась столовая-гостиная и за занавесом – широкая тахта Татьяны Алексеевны, вторая – папин кабинет, совсем маленькая. В кабинете стояли небольшой письменный стол, тахта и книжные полки. У окна – телескоп. В третьей, пятиметровой комнатке, жил Алеша Студенецкий, сын Татьяны Алексеевны.

Улица Черняховского, дом № 4. Современный вид
В крайнем слева подъезде находилась первая собственная квартира Арсения Тарковского

Конечно, была радость от ощущения собственного жилья, были хлопоты по обустройству квартиры, заказы предметов мебели, но так получилось, что все эти хлопоты оказались ничтожными и ненужными перед сильнейшим чувством, которое охватило Тарковского. В 1958 году в Ашхабаде Тарковский познакомился с молодой женщиной, которая стала его последней любовью. Ему пришлось с нею расстаться, и он приезжает в Москву с кровоточащим сердцем и скорбящей душой. Остались стихи, в которых поэт благодарит судьбу за дарованную встречу и оплакивает разлуку с любимой. Эти стихи, порой зашифрованные, написаны осенью 1958 года, их можно объединить в единый цикл. Вот одно из них:

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой.

За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг.

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

1958

Отношения с женой стали напряженными. Тарковский решает порвать с ней, уезжает в подмосковный санаторий. Но через некоторое время все-таки возвращается домой – уходить ему было некуда...

В квартире на улице Черняховского папа прожил шестнадцать лет – с лета 1957 года до лета 1973-го. Круг его дел и интересов был очень широк – при Московском отделении Союза писателей СССР он вел семинар молодых поэтов.

работал в секции переводчиков Союза писателей, занимался астрономическими делами (был членом Всесоюзного астрономического общества), встречался и переписывался с друзьями, со знакомыми и с сотнями молодых поэтов. Собирал книги и монографии художников, коллекционировал пластинки. Все он делал серьезно, основательно, с полным знанием дела. Но самое главное дело, дело его жизни, смысл существования – это, конечно же, поэтическая работа. Трудно подсчитать, сколько поэтических строк, своих и переведенных, написал Тарковский за эти шестнадцать лет жизни.

Появилась наконец возможность выездов за границу – на лечение в Карловы Вары, с туристическими делегациями советских писателей во Францию, в Англию, в ГДР, в Польшу.

Пожалуй, этот период жизни Тарковского «на Аэропорте» был самым деятельным и насыщенным событиями, самым главным из которых был выход его книг «Перед снегом» в 1962 году, «Земле – земное» в 1966-м, «Вестник» в 1969-м. С радостью узнал Тарковский о получении в 1962 году сыном Андреем Главного приза Венецианского кинофестиваля за фильм «Иваново детство».

Большой радостью были встречи с Анной Андреевной Ахматовой, и безмерным горем стала для Тарковского ее смерть в 1966 году.

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смиренное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять – не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что – в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

1966

Со временем жизнь в одной квартире вместе с сыном жены становилась для папы невозможной. Пристрастие к алкоголю, переросшее в болезнь, превратили некогда милого и доброго, всегда аккуратного и хорошо одетого Алешу в безвольного человека. Купить квартиру для него или встать на очередь на получение государственного жилья было невозможно – количество квадратных метров на человека в квартире Тарковского превышало норму. Оставался только один вариант – обмен.

Вот таким образом появился в жизни поэта Арсения Тарковского новый адрес: САДОВАЯ-ТРИУМФАЛЬНАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4–10.

Вторая из двух серых «получерновых» тетрадей стихов начата Тарковским в конце 1965 года на улице Черняховского, но в 1973 году на ее первой странице появляется новый адрес: Садовая-Триумфальная, дом № 4–10, почтовый индекс, номер квартиры и номер телефона. Тут же был написан и выражающий его душевное состояние того времени эпитафия из Тютчева:

В панцырь дедовский закован
Воин – сторож на стене,
Слышит, втайне очарован,
Дальний гул как бы во сне.

Этот переезд был равносителен катастрофе, он оказался роковым для папы. Несмотря на то, что молодые друзья Тарковских укладывали вещи, упаковывали книги, пластинки, перевозили все это на другую квартиру (Татьяна Алексеевна не допустила нашего участия в переезде), папа тяжело перенес его.

Дом, построенный в сталинское время (как говорили, для сотрудников МВД), представлял собой мощное здание, облицованное по низу гранитом, как и многие послевоенные здания на бывшей улице Горького, теперь как и встарь, Тверской. Среди москвичей ходила история о том, что гранит, украсивший дом, что против Центрального телеграфа, был заготовлен немецкими оккупантами для вывоза в Германию. Остальной гранит, пошедший на цокольные этажи однотипных домов, был уже самым обыкновенным, неисторическим. Москвичи, возможно, знают дом № 4–10 на Садовой-Триумфальной улице, так как там ранее было аргентинское посольство, а теперь – перуанское.

Папина квартира была довольно просторной – две комнаты, кухня, ванная комната, большая передняя. Беда в том, что окна ее выходили на Садовое коль-

Квартира на Садовой-Триумфальной улице, которую с любовью обустроил Арсений Александрович. 1974 г. Фото А. Кривомазова

цо, на то ее место, где машины ревели, поднимаясь из тоннеля. Шум и запах выхлопных газов делали жизнь здесь почти невозможной – не было еще евроокон и кондиционеров. Сразу же по переезде Татьяна Алексеевна взяла с папы слово, что большую часть года они будут жить или на даче в Голицыне или в Домах творчества. Папа не любил ни то ни другое. Однако он радовался, что разъехался с Алешей, который по обмену получил однокомнатную кооперативную квартиру в районе Аэропорта. (Квартира эта некогда принадлежала поэту Михаилу Светлову.) Прожил в ней Алеша несколько лет, он трагически погиб в 1981 году...

Папа обустроивался: расставлял книги по стеллажам, пластинки в шкафу – у него их было около трех тысяч. Купил и установил на специальном столике

Садовая-Триумфальная улица, дом № 4–10.
Здесь находилась последняя квартира
Арсения Александровича Тарковского

Лан Писка

4049 AP 12

Арсений Александрович Тарковский. Около 1985 г.
Фото А. Кривомазова

новый проигрыватель. Развесил по стенам картины, фотографии. Готовился жить в этой квартире со своими любимыми книгами и пластинками.

Поначалу, какую-то часть времени Тарковские все-таки проводили в Москве. Но потом стали почти постоянными обитателями Домов творчества. Я хорошо помню 1974 год, когда папа звонил мне в марте–апреле из Переделкина каждый день, спрашивал о моем здоровье и интересовался, не родила ли я. А когда на свет появилась Катенька, он приехал познакомиться с внучкой и сделал ей «на зубок» традиционный подарок – серебряные столовые приборы.

В те годы окружали папу молодые друзья – бывшие его ученики по поэтическому семинару – Лариса Миллер, Александр Радковский, рано умерший поэт Марк Рихтерман. Бывали поэт Александр Ревич, писатели Александр Шаров, ахматовед Георгий Глёкин, писатель-фантаст Александр Мирер, физик-атомщик Юрий Соминский, Александр Кривомазов, сделавший много прекрасных папных фотографий. С 1979 года стал бывать Александр Лаврин, называвший себя секретарем Тарковского.

С 1984 года другом папы стал талантливый кинорежиссер Вячеслав Амирханян, снявший о нем дилогию «Посредине мира» и «Арсений Тарковский. Малютка-жизнь». Соседями Тарковских, жившими неподалеку от их квартиры на Садовой-Триумфальной по ту сторону улицы Горького, были Корины – поэт Григорий Корин, его жена Ирина и ее дочь Наташа, в 70-х годах они часто

Дом ветеранов кино. Внук Михаил с женой Наташей и маленькой дочкой приехали навестить Арсения Александровича. Справа – Татьяна Алексеевна Озерская-Тарковская. 1988 г. Фото О. Молчанова →

На лоджии в Доме ветеранов кино. Арсений Александрович, Татьяна Алексеевна и Александр Антонович Радцик. 1988 г. Фото А. Кривомазова

бывали у Тарковских. Григорий Корин любил папу и его поэзию, а папа с нежностью относился к Григорию Александровичу, хвалил его стихи. Их связывало не только служение поэзии, но и глубокие религиозные чувства. Это для Гриши Корина папа привез из Польши Библию в своем протезе.

Но не было уже рядом Липкина, Штейнберга, Славиных, Витковича, Марии Петровых – их развели люди, да и сама жизнь. В Домах творчества завязывались уже не крепкие связи, а знакомства, обусловленные жизнью под одной крышей, хотя среди таких знакомых встречались самые замечательные люди.

Пропуска в Центральную клиническую больницу, где несколько месяцев находился Арсений Александрович Тарковский

Ко времени жизни папы на Садовой-Триумфальной улице отношения Андрея с отцом разладились – как говорят французы, «ищите женщину» (я бы сказала «женщин»). Лариса Павловна обещала Татьяне Алексеевне с помощью своих связей «устроить» квартиру для Алеши, обещания своего она не выполнила. Обе жены стали врагами. Несмотря на это, Андрей изредка бывал у папы, как-то приехал к нему с сыном Андрюшей. Но свободного, открытого любовного отношения к отцу у Андрея уже не было с тех пор, как он оставил свою первую семью.

НЕЖИНСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 5 (сколько раз я туда приезжала!) – здесь находится Дом ветеранов кино – благоустроенное заведение, построенное по специальному проекту для состарившихся деятелей кинематографа. Содержит его Союз кинематографистов России, а чтобы в нем поселиться, желающий должен сдать Союзу квартиру и остаться, таким образом, в Доме ветеранов до своего конца.

Это был последний адрес Арсения Тарковского... Еще при жизни Андрея папа с Татьяной Алексеевной часто жили там по месячным путевкам. На вечере памяти Андрея в 1988 году прекрасный

Действителен до 20 июля 1989 г.

ПРОПУСК № _____

От больного Тарковского А А

Корпус 1020

Отделение _____ Палата № _____

Прошу пропустить на посещение

Тов. Тарковский М А

Подпись Мшаев

Действителен с документом

с 1980

Действителен до 16 мая 1989 г.

ПРОПУСК № _____

От больного Тарковского А А

Отделение Луизе Палата № 111

Прошу пропустить на посещение

Тов. Тарковский М А

Подпись Мшаев

Действителен с документом

с 1980

Действителен до 31 мая 1989 г.

ПРОПУСК № _____

От больного Тарковский А А

Отделение Луизе Палата № 111

Прошу пропустить на посещение

Тов. Тарковский М А

Подпись _____

Действителен с документом

Нежинская улица, дом № 5. Дом ветеранов кино,
где провел последние годы жизни Арсений Тарковский

Памятник на могиле поэта Арсения Тарковского в Переделкине. Фото В. Амплевой

актер Михаил Глузский торжественно сообщил, что секретариат Союза кинематографистов из уважения к памяти Андрея постановил разрешить супругам Тарковским поселиться в Доме ветеранов кино насовсем.

Жаль, что никто не поинтересовался, а хотел бы Андрей, чтобы его отец окончил жизнь в богадельне? А он был категорически против даже временно жить там его отца, при жизни он мне об этом не раз говорил, просил поговорить на эту тему с Татьяной Алексеевной. Никто не спросил, а хотел ли сам папа там жить? «Я не хочу здесь жить!» – в отчаянии кричал мне папа, прижав кулаки к подбородку, когда я спросила его об этом. При Татьяне Алексеевне на мой вопрос он ответил: «Ведь надо же где-то жить».

Папа уже был тяжело болен. С января 1989 года он находился в Центральной клинической больнице в Кунцеве, куда он был направлен благодаря ходатайству Сергея Владимировича Михалкова. Там был установлен роковой диагноз, а 10 февраля 1989 года, за три с половиной месяца до смерти, старый, беспомощный, смертельно больной человек был официально прописан в Доме ветеранов. Папа умер в больнице 27 мая 1989 года, не дожив месяца до 82 лет. Похоронен на кладбище в Переделкине.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ

Осенью 1932 года Мария Ивановна Тарковская возвращается из Завражья в Москву с маленьким Андрюшей. До переправы через Волгу едут на телеге – бабушка Вера Николаевна, Мария Ивановна с Андрюшей на руках. Рядом шагает Лев Владимирович Горнунг, дядя Лев, крестный Андрюши, который тоже гостил в Завражье и теперь уезжал в Москву вместе с мамой. В Завражье он делал первые снимки своего крестника Андрюши. Теперь же в ожидании парома на берегу великой реки он запечатлевает живописную группу – маму с Андрюшей на руках, бабушку Веру Николаевну. На фото попадает и лошадь с телегой, и извозчик.

Итак, Андрюша возвращается в свой родной город, из которого его родители уехали в марте на Волгу к Вере Николаевне, маминой маме. Она настаивала, чтобы роды принимал ее муж, врач Николай Матвеевич Петров.

В свидетельстве о рождении Андрея будет зафиксировано место его рождения – село Завражье Ивановской области (позже оно будет отнесено к Костромской области). Папа был нетерпелив и поспешил получить «Свидетельство о рождении» сына, не дожидаясь приезда в Москву.

В Москве по адресу: ГОРОХОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 21, КВАРТИРА 7 Андрюшу ждет уютная комната, оклеенная желтыми обоями, с окном, выходящим в небольшой парк. Здесь он проживет первые два года своей жизни. 4 апреля 1934 года на двухлетие Андрюши Лев Горнунг, написал оду. Она начиналась так:

Теперь, когда опять природа
Нас разлучить должна с зимой,

Маруся Тарковская с маленьким Андрюшей. Первые шаги. Юрьевец. Лето 1933 г. Фото Л. Горнунга

Ты празднуешь свои два года,
Андрей Арсеньич, крестник мой.

Во второй строфе дядя Лев укоряет Андрюшу за то, что он ко дню рождения не научился говорить:

Ну что ж, мой милый, мой хороший,
Стыдись, что весел и здоров,
По лужам шлепая калошей,
Весну встречаешь ты без слов...

Летом этого года до октября месяца Андрюша будет жить на даче в Малоярославце. Там 3 октября 1934 года появлюсь на свет я, его сестра Марина.

«Андрюшка страшный хулиган, дерется и дурачится. Он все говорит, мы с ним много разговариваем», – пишет Арсений Александрович своей матери. В апреле Андрюша еще не умел говорить, а к осени уже «все говорит».

В Москву семейство возвращается в середине октября. А в декабре того же 1934 года состоялся переезд на другое местожительство по адресу: 1-й ЩИПОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 26, КВАРТИРА 2. Здесь Андрей проживет до своих тридцати лет – с перерывами на годы эвакуации и на время первой женитьбы, когда они с женой жили в съемных комнатах, будучи прописанными по этому адресу. Этот срок – половина его жизни, включающая детство и юность, – время познания жизни, накопления впечатлений, становления характера.

Раннее детство – это неосознанное существование рядом с родителями, любовь к ним, еще не выраженная словами, ежедневная жизнь, обеспеченная их заботами. И ребенку кажется, что папа и мама всегда будут рядом, что каждый день можно сесть к папе на колени, прижаться к нему, слышать его голос, вдыхать его запах.

Неожиданная пустота на месте этих ощущений, непонятная и мучительная, обрушилась на Андрея, когда ему было чуть больше четырех лет: отец ушел из семьи. Кажется, что все осталось – мама, сестренка, книжки, рисование, гуляние, но самого главного не было. Появление отца – ненадолго, всегда не насовсем, боязнь того, что папа сейчас снова уйдет, – эта тревога поселилась в душе Андрюши.

Шли годы, пустоту эту постепенно стали вытеснять жизненные впечатления – школа, друзья, барышни. Но болезненная травма осталась в душе Андрея на всю жизнь.

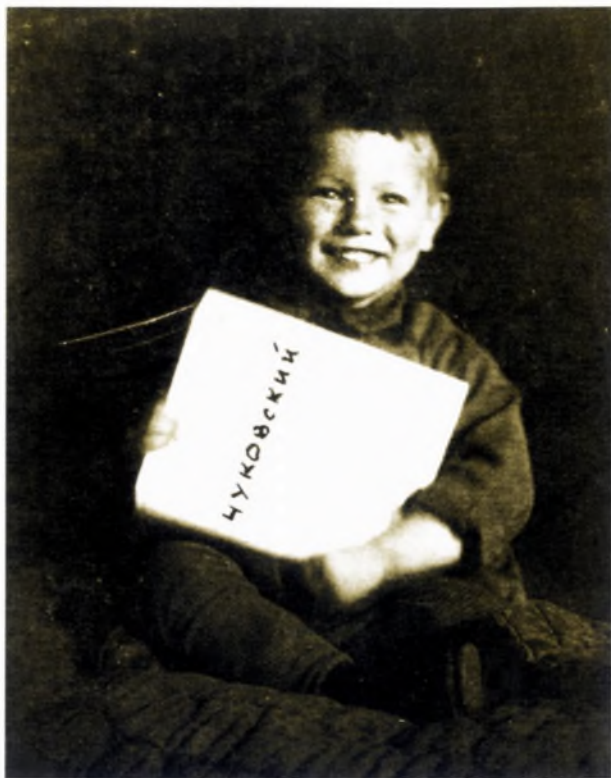
Андрюша с книгой Корнея Чуковского. 1935 г.
Фото Л. Горнунга

Какой сложный мальчик рос в 1-м Щиповском переулке! Он мог быть живым, веселым и тихим, задумчивым, мог быть добрым, ласковым, и в то же время – грубым, непослушным. Можно оправдать это душевной травмой из-за ухода отца. Но ведь ему было всего два с половиной года, когда папа писал: «Андрюшка ... дерется и дурачится...». Значит, дело все-таки в каком-то генетическом внутреннем устройстве, во врожденном характере.

В 1939 году, шести с половиной лет, мама привела Андрея в школу. Школа № 554 находилась поблизости, в СТРЕМЯННОМ ПЕРЕУЛКЕ, в ДОМЕ № 33. Дойти до нее можно было за двадцать минут. Каким же старательным был Андрей в первых классах! Какие чистые и красивые у него тетради! Арифметика, чтение, чистописание – только «отлично». И он сам выглядел как отличник – аккуратно подстриженный, с белым воротничком.

Одновременно с общеобразовательной школой Андрюша учился в музыкальной. Эта школа Ленинского района до сих пор находится по адресу: УЛИЦА БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, ДОМ № 29 (сейчас она носит имя композитора Глиера). Педагогом Андрея была Нина Александровна Григорович – ученица Николая Рубинштейна. У Андрея был абсолютный музыкальный слух, но инструмента в доме не было, готовиться к урокам приходилось у соседей – жила на втором этаже прекрасная семья Гоппиус.

Как-то мама принесла патефон и пластинку (а может быть две?). И то и другое она взяла на время у своего двоюродного брата. Это были песни Бетховена «Сурок», «Заздравная песня», а на обороте (или на второй пластинке?) –

Здесь в 1939-1951 гг. учился
выдающийся кинорежиссер XX века
Андрей Тарковский.

Стремяный переулок, дом № 33. Современный вид.
В этом здании находилась школа № 554, где учился
Андрей Тарковский. Это было советское стандартное
четырёхэтажное здание из красного кирпича. Сейчас
это школа № 1060

Справа от входа висят памятные доски, одна –
Андрею Тарковскому, вторая – о. Александру Меню,
который также учился в этой школе

Андрей с Анастасией Васильевной Горнунг.
1939 г. Фото Л. Горнунга

ария Ленского. Возможно, «Здравную» пел Максим Дормидонтович Михайлов, а Ленского – Сергей Яковлевич Лемешев. Эти вещи мы хорошо запомнили, слушали их чуть ли не каждый день, ведь и патефон и пластинку надо было возвращать. В эвакуации, в юрьевецкой школе на утренниках Андрей пел «Сурка»: «По разным странам я ходил, и мой сурок со мною...» Как это невыносимо грустно вспоминать теперь...

Регулярные занятия музыкой прервала война, после войны разговор о музыкальной школе уже не поднимался. Но мама старалась,

чтобы мальчик не забывал музыку. Тогда совсем ненадолго у нас появилось пианино все того же мамино двоюродного брата. Есть снимок Андрюши, сидящего за инструментом. Чужой патефон, чужое, на время, пианино...

Летом 1941 года семья отправилась в эвакуацию. На Ярославском вокзале нас провожал папа. Вспоминается заполненный народом вокзал, трудная посадка на поезд – с чемоданами и узлами.

В Москву возвратились только в конце лета 1943 года. 5 августа из окна комнаты маминой доброй знакомой Марии Георгиевны Хитрово, которая жила в КАЗАРМЕННОМ ПЕРЕУЛКЕ, в ДОМЕ № 8 (назван так по находившимся поблизости Покровским казармам, до 1922 года назывался Дегтярным переулком), напротив Курского вокзала, мы с Андреем смотрели первый салют – за взятие нашими войсками Орла и Белгорода. (В боях за взятие этих городов отличилась 11-я гвардейская армия, в которой служил наш папа.)

Ученики 2 класса школы № 554. Андрей в верхнем ряду, в центре. 1940 г.

Нам негде было приютиться – одна из двух смежных десятиметровых комнат была занята соседями. К тому же сын этих людей был жулик – у нас украли все, что осталось после эвакуации: наши пальтишки, валенки, мамин черный бархат, подаренный папой, который она не продала даже во время голода в эвакуации. Выселение незаконно вселившихся соседей длилось несколько недель. Хорошо, что мама из Юрьевца каждый месяц посылала в Москву плату за квартиру, иначе мы могли бы совсем лишиться московского жилья.

Осенью Андрей, который оставался в Москве с бабушкой, пошел снова в свою школу, в пятый класс. Но он уже не был тем старательным второклашкой, каким уезжал из Москвы. Он много времени проводил в компании друзей из соседних дворов. Конечно, Андрей продолжал много читать, но учебу запустил, особенно математику. Уроков он совсем не учил. Придет из школы, швырнет портфель в угол, поест – и гулять. Или отправится

Андрей в школе. 1946 г.

в кино. В послевоенные годы шли так называемые трофейные фильмы – «Индийская гробница», «Тарзан», «Багдадский вор» – список можно продолжать. Знаменитый крик Тарзана вошел в моду у мальчишек, Андрей имитировал его блестяще.

Школьный дневник Андрея пестрит замечаниями учителей – «Мешал работать», «Разговаривал на уроке»... Как-то перед контрольной работой запел арию Ленского – «Что день грядущий мне готовит?» Спасала Андрея хорошая память и начитанность, поэтому гуманитарные предметы давались ему легко. Дома на стене висела карта полушарий, и мама еще до школы учила по ней Андрея и меня. Мы знали великие реки и водопады, пути знаменитых мореплавателей. Читал Андрей очень много – до пятнадцати лет прочитал всю русскую классику и, конечно же, все приключенческие романы, романы Гюго. В детстве без конца читались стихи – Чуковского, Маршака, Барто, Михалкова, сказки Пушкина

1-й Щиповский пер., дом № 26, кв. 2. Андрей с отцом. Шахматная партия. 1947 г. Фото Л. Горнунга

на, «Конек-горбунок» Ершова. Многие стихи Андрей знал наизусть. Во время гражданской войны в Испании была издана книга Агнии Барто на французском языке «Я – с тобой». На обложке – девочка-испанка, обнимающая-защищающая своего братишку. Мама нам читала и переводила с французского. Вот как давно возникла для брата тема испанской войны. Фашисты были враги, и когда в 1940 году во время демонстрации он увидел свастику на дверце немецкой дипломатической машины (в 1939 году был заключен пакт Молотова – Риббентропа), он кричал: «Мама! Фашисты!» Мама испугалась, что их заберут (слова «забрали», «посадили», «сидит» в то время часто употреблялись)...

Мой муж, однокурсник Андрея, Александр Гордон, придумал теорию «пазлов» – сведений, впечатлений, чувств, ощущений, которые Андрей копил с раннего детства и потом ставил на нужное место в свои фильмы. Примеров тому множество...

Андрей дома, снялся в рубашке, подаренной ему мамой Валентины Кренгауз. На обороте дарственная надпись Андрея: «Валентине Кренгауз». 1947 г. Фото Л. Горнунга

В мамином архиве остались записочки 1946 и 1947 годов. Они подтверждают то хроническое состояние голода, которое наша семья испытывала несколько лет подряд.

Пишет мама: «*Андрюша, я у тети Иры. Поешь хлебца, больше нечего. Оставь кусочек на утро Мышу*» (то есть мне).

Пишу я бабушке: «*Бабусенька, бабок! Дай мне чего-нибудь* (нарисован хлеб. И мамина приписка – *Февраль 1946. Бронхит*». Бронхит у меня).

А вот еще записка Андрея на другую, «спортивную», тему. Андрей ходил на каток, прекрасно катался на лыжах даже с самых отвесных и сложных гор: «*Мама! Я достал лыжи* (своих лыж не было, попросил у кого-то. –

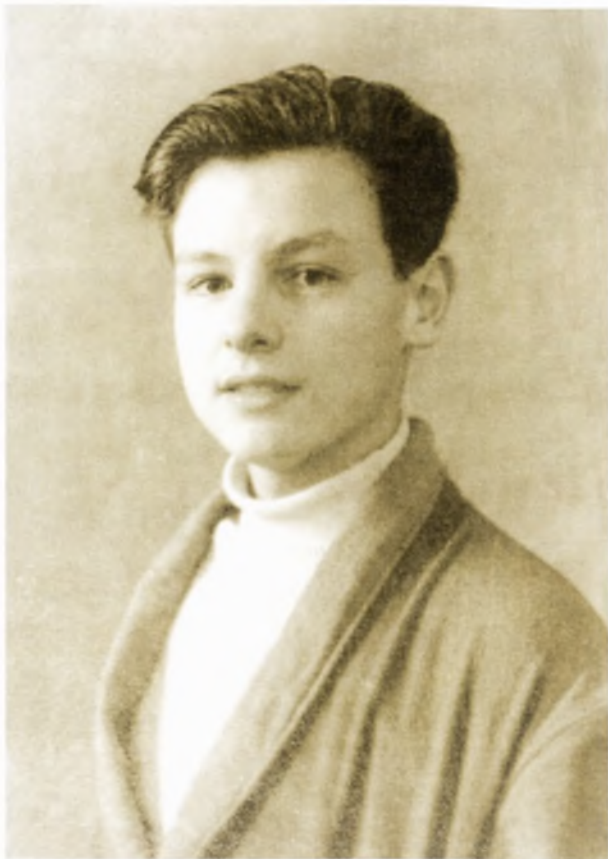
М. Т.). Я пошел к Жирику (школьный друг Андрея – Жирайр Тер-Овакимян. – М. Т.) и скажу ему, что зайду за ним завтра утром на Воробьевку».

В 1947 году, с сентября, Андрей стал учиться в художественной школе имени 1905 года, которая в послевоенные годы находилась в двухэтажном деревянном доме на Чудовке, недалеко от Крымской площади.

Еще до поступления в эту школу брат много рисовал, однажды сделал копию с картины Левитана «Золотая осень». Написал ее маслом на большой фанерной крышке от старинного ящика. Бабушка пришла в восторг, и сказала, что она ее продаст, за нее можно получить большие деньги. Она простояла на Зацепском рынке целый день и пришла усталая и смущенная – картину никто не купил.

Андрей в туберкулезной больнице. 1948 г.

Неподалеку, в ДОМЕ № 31, КОРП. 6, по БОЛЬШОЙ СЕРПУХОВСКОЙ УЛИЦЕ жила семья Кренгауз – мать и две ее дочери. Мама познакомилась с этой семьей во время гуляния с нами на сквере около их дома. Когда Андрей подросток, он любил приходить к Кренгаузам. Они жили в отдельной квартире, в доме был рояль, на котором Андрей часто играл. Старшую дочь звали Валентиной, Валей. Она была намного старше Андрея. Ее любовь к литературе, желание и умение эту любовь передать, ее глубокие знания, сила ее характера привлекали Андрея. Ему было дорого Валино внимание, ее интерес к его внутреннему миру. Валею поражали его наблюдательность, образное мышление, интерес к глубоким философским вопросам. Думаю, что дружба с Валей сыграла значительную роль в формировании его личности. Она происходила именно в то время, когда Андрей остро нуждался в старшем друге-руководителе...

В художественной школе Андрей позанимался совсем немного. В ноябре уже стояли морозы, а пришел мой брат из своей 554-й школы раздетый и совершенно убитый – новое зимнее пальто, с трудом купленное мамой по талону, украли.

Сначала была простуда, потом начался туберкулезный процесс. Андрея поместили в Первую детскую туберкулезную больницу в ОРЛОВО-ДАВЫДОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ, ДОМ № 2А.

На следующем развороте:

Орлово-Давыдовский переулок, дом № 2А, где в конце 1940-х годов была детская туберкулезная больница

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДАВНОСТИ СЕРВИСОВ Д. 2-а

2

Сейчас это дом № 2А, корпус 1, там теперь находится психо-неврологический диспансер.

До революции это была детская больница Святой Ольги, построенная на средства графа Сергея Владимировича Орлова-Давыдова (1849–1905), в честь которого и назван переулок*.

Тогда, в трудный и голодный послевоенный 1947 год, врачи, медсестры и нянечки делали все, чтобы спасти детей от страшной болезни. В больнице было хорошее питание (и мама старалась приносить передачи из дома), сон на открытой веранде. Андрей поправился, лицо у него округлилось. Он много рисовал, сохранились листы с его больничными рисунками. Брат был инициатором самодеятельных постановок – ходячие дети принимали участие в спектаклях «Кошкин дом» Маршака, «Красный галстук» Михалкова, ставили фрагменты «Майской ночи» Римского-Корсакова, где Андрей пел арию Левко. Тяжело больных детишек привозили в зал на кроватях. Андрей был режиссером и актером. С какой радостью играли дети в этих спектаклях, как радовались маленькие зрители!

Иногда Андрей приходил в «музыкальную комнату» и в одиночестве подолгу играл на рояле. Хотя его навещали и мама, и папа, он скучал по дому. Меланхолии добавляла влюбленность – в милую девочку Валю Т.

Весной 1948 года Андрея выписали из больницы, но он еще несколько месяцев ходил на пневмоторакс в туберкулезный диспансер № 4 по адресу: ЖИТНАЯ УЛИЦА, КАЗАНСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 4. Этот адрес стоит на справке, которую мама взяла в диспансере. Текст там такой: «Тарковский Андрей для окружающих не заразен. 2 июня 48». Осенью брат должен был пойти в школу, и наша мудрая мама этой бумажкой защищала Андрея от «подозрительного» к нему отношения.

Учебный год конечно же пропал. Но приятели и одноклассники брата радовались его выздоровлению. Жирайр Тер-Овакимян (все звали его уменьшительно Жирик), верный друг, которого вместе с Андреем хотели перевести в ремесленное училище за неуспеваемость и плохое поведение (наша бабушка упростила директора школы оставить их), написал оптимистическое стихотворение:

* В справочной книге «Имена московских улиц» (М., «Московский рабочий», 1975) сказано только, что переулок назван именем одного из домовладельцев. Кстати, хочется напомнить, что Детская «Филатовская» больница на Садовом кольце была построена княгиней Софьей Щербатовой и до революции называлась «Софийской», в память о ее основательнице.

Андрею Тарковскому

Не смотри так на меня сердито,
Оглянись с улыбкою окрест.
Рано нам отбрасывать копыта,
Черт не выдаст и свинья не съест.

Мы еще пошебутим, наверно,
Где болезням да осилить нас!
Верю, зарубцуется каверна,
И в футбол сыграем мы не раз.

Улыбнется и закурит мама,
У Маринки заблестят глаза...
Мы еще походим на «Динамо».
Поддаваться недугам нельзя.

Недуги ли, недруги ли – что нам!
В их ворота мы забьем мячи.
Жизнь лишь улыбается веселым,
Или мы с тобой не хохмачи.

Где нас в жизни только не носило!
Стадионы брали на «ура».
Да, конечно, Хомич – это сила,
Только что он супротив Бобра!

Что ж, к футболу все ведут дороги,
Не убудет нашего полка.
Для футбола сбережем мы ноги,
Рано их протягивать пока.

Погоняем мяч ли на Щиповском
Иль в Большой сгоняем на «Садко»,
Только ты не будь лишь мягким воском,
Как всегда, на жизнь смотри легко.

Жить да жить еще нам честь по чести,
Так что ты не хнычь и не грусти,
Коль умрем, то уж на новом месте,
Или где-то, может быть, в пути.

1948 г. 16 лет. Москва

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Педагогического Совета школы № 584
об успеваемости и поведении
уч-ся 8^а класса Тарковской Андрес
(фамилия, и-о)
по итогам за 1948/49 уч. год

1) _____

2) Переведен

3) в 9 класс.

4) _____

Директор школы Тарков
(подпись)
Секретарь педагогического
совета школы Фурманова
(подпись)

ПРОСЬБА К РОДИТЕЛЯМ:

1. Ежедневно (по субботам) требовать от учащегося таблиц и внимательно просматривать в нем отметки учителей и классного руководителя.
2. При неудовлетворительных оценках — посетить школу и переговорить с учителем.
3. По вопросам успеваемости и поведения уч-ся обращаться к классному руководителю 8^а класса т. Таркову В. В. или к директору школы тов. Еремину Т. Ф.
4. Подписывать таблицу в установленном месте, не допуская никаких других надписей.

Читали: А. Маракушев

Телефон { Служебный № _____
родителей { Домашний № 310029

Адрес { 1-ый Щигровский,
д. 26,
кв. 2

Это стихотворение мне передал в 2010 году одноклассник Андрея Александр Макеев. Теперь стало известно то, чего мы с мамой не знали – походы без билетов на стадионы.

В сентябре 1948 года Андрей после большого перерыва пошел в свою школу, отстав на год из-за болезни. И опять в таблице: «Безобразно ведет себя на уроке», «Мешает работать», «Немотивированный пропуск учебного дня». И в девятом, и в десятом классе он так запустил занятия, что его пришлось спасать от исключения из школы преподавательнице истории Фаине Израилевне Фурмановой. Она взяла его под свою ответственность в 10 класс «Б», где была классным руководителем. Вот ее записочка, посланная по почте в декабре 1950 года: «Вторник. Тов. Тарковская. Срочно прошу Вас зайти в школу ко мне. 4.12. Ф. Фурманова».

Разговор, скорее всего, касался перевода Андрея в ее класс.

Андрей в свой день рождения, 4 апреля 1948 г. Фото Л. Горнунга

В классе «А», где Андрей проучился два учебных года, он пользовался уважением одноклассников. Там остались друзья, с которыми он продолжал дружить. В 10 «Б» появились новые друзья. Вообще, Андрей умел обзаводиться друзьями.

Здесь мне хочется вспомнить слова французского писателя и философа Жана-Поля Сартра о фильме «Иваново детство»: «Мне кажется, что в известном смысле автор, очень молодой человек, хотел рассказать о себе и своем поколении. Не потому, что они мертвы, эти гордые и суровые первопроходцы, а потому, что их детство было искалечено войной и ее последствиями. ... Тысячи живых детей, раздавленных войной, – вот одна из советских трагедий».

Война тяжело прокатилась по этим мальчикам. Когда она началась, они были 7–8-летними ребятишками, все узнали голод, были истощены, у многих были начатки туберкулеза. Под немецкими бомбами был Володя Куриленко. Юра Кочеврин во время бомбежки потерял ноги. В оккупацию попал Алик Макеев, приехав к бабушке в деревню. У многих ребят отцы не вернулись с войны. Они были очень разными, эти подростки, но вряд ли «гордыми и суровыми». Однако в драках со шпаной и в конфликтах с несправедливыми учителями отстаивали свое достоинство. «Один за всех, и все за одного» – одно время таким был их «мушкетерский» лозунг. Были веселыми – любили смешные истории, анекдоты, на школьных вечерах выпивали потихоньку от учителей. Влюблялись и ухаживали за девушками. Собирались по праздникам или на дни рождения, да и просто так. Дома по вечерам Андрей оставался редко.

Однако все жили непросто, трудно, по коммуналкам. У многих ребят, казалось бы, веселых и остроумных, была «искалеченная войной» душа.

Сильно влияла на старших школьников идеологическая пропаганда. Разборки на комсомольских собраниях десятиклассников носили резкий обличительный характер, а вынесенные решения – изгнание из комсомола – могли серьезно испортить дальнейшую жизнь выпускника. Слава Богу, Андрей в таких собраниях не участвовал, ведь его не приняли в комсомол. Его друг заявил, что Тарковский не достоин быть комсомольцем. Друг остался Андреевым другом, и думаю, что брат был ему благодарен – впоследствии гордился, что «не состоял».

Близкие школьные друзья Андрея были интересными и всем интересующимися людьми, они много читали, знали поэзию, искусство. И что важно – обогащали друг друга своими знаниями.

Вот стихотворение, посвященное Андрею Тарковскому одним из его друзей, судя по почерку, Игорем Шмыглевским:

Андрей и Володя Куриленко. 1951 г.

А. Т.

Эти дни, как в пытке иезуитов,
Бьют о череп каплями воды.
Все, что больно, все, что не забыто
Убивает Веру и Мечты.

Но ведь многое еще осталось
Вновь создать иль бережно хранить.
Так пускай ирония и жалость
Нам помогут быть или не быть.

Андрей тоже пытался писать стихи. Стихотворение о девушке, «в купальнике черном» лежавшей «на желтом песке», так и осталось незаконченным. Позже, уже во ВГИКе, под влиянием сильных чувств он вернется к стихотворчеству.

Спектакль «На той стороне». Владимир Куриленко и Андрей Тарковский. 1949 г.

Спектакль «Остров мира» на сцене Дома пионеров Москворецкого района. Андрей Тарковский и Галина Романова. 1950 г. Фото С. Лашкова

Все друзья Андрея получили высшее образование и, как говорится, вышли в люди. Юрий Безелянский стал писателем, Андрей Вознесенский – поэтом, Юрий Кочеврин – экономистом, Владимир Куриленко – журналистом, Игорь Шмыглевский – физиком.

В. Куриленко написал прекрасные воспоминания о школьной жизни. Там подробно рассказано о кружке художественной самодеятельности ребят из школы № 554 и студентов Экономического института имени Плеханова (теперь это Российский экономический университет им. Плеханова, попросту «Плешка»). Самым сильным увлечением Андрея в старших классах было участие в театральном кружке. Вначале старшеклассниками была поставлена пародия на американский джаз «Из луны идет дым», а позже – пьеса «На той стороне», в которой Андрей играл некоего шпиона, разоблаченного советским разведчиком.

Студент Экономического института Борис Белов (теперь известный экономист) был режиссером постановки пьесы Евгения Петрова «Остров мира». Сохранился пригласительный билет на этот спектакль. Он шел 3 февраля 1951 года в районном Доме пионеров по адресу: БОЛЬШАЯ ПОЛЯНКА, ДОМ № 45. Дом пионеров находился в старинном готическом особняке. Говорят, что до революции он принадлежал купцу Игумнову, и что обитатели его часто слышали стоны замурованной в стене согрешившей дочери одного из предков владельца. Жаль, тогда этот леденящий душу рассказ был Андрею неизвестен.

Интересно, что на новой квартире Андрея в 1-м Мосфильмовском переулке (теперь улица Пырьева) появились готические стулья, очень похожие на те, что стояли некогда в Доме пионеров. Стулья эти можно увидеть в фильме Андрея «Каток и скрипка» – сцена в музыкальной школе снималась в том здании, где некогда в числе других исполнителей «блистал» Андрей. Почему-то мне кажется, что именно их мог купить Андрей для своей последней московской квартиры в мебельном антикварном магазине, где работал директором его знакомый.

Один из участников спектакля «Остров мира» Сергей Лашков рассказывал, что Андрей рисовал задник-декорацию для спектакля. В пьесе брат играл красивого, но глупого графа, жениха дочери миллионера, Памелы.

Участие во всех постановках, репетициях, оформлении сцены, поиски костюмов и реквизита отнимали у Андрея все его внешкольное время. Да еще консерваторские концерты, на которые мама покупала абонементы, театральные

спектакли. Билеты в Большой и в другие театры тогда можно было купить у распространительницы, которая приходила в типографию, где мама работала.

Андрей много времени уделял друзьям. И любовь, любовь – сложные и безнадежные юношеские увлечения...

«Мама! У нас сегодня спектакль «Особняк в переулке». Поэтому в Малый (театр) я не пойду, а иди ты с Маринкой. Андрей», – вот записочка Андрея.

А вот еще одна, с обратным значением: *«Мама! Я поехал к Юрке Сычеву. Если приду до 4-х, то увижу тебя. (У мамы вторая смена. – М. Т.) Если нет, то, если можешь, оставь мне денегжат на 2 билета в театр. Андрей».*

Слово «деньжат», уменьшительно-ласкательное, подчеркивает просительный смысл записки.

А вот записка, написанная накануне Нового 1950 года:

«Ма! Я не знаю, что делать. Мне бы хотелось встретить Новый год в студии (т. е. с ребятами из студии), а денег нет. Надо 40 рублей, 00 копеек.

Потом почини мне утром штаны, да надо их еще выгладить. К тете Наде (мамина приятельница Надежда Васильевна Лапшина. – М. Т.) мне идти не хочется. Ну и все. Нельзя ли где-нибудь добыть сорок рублей, а?

Андрей.

P.S. Только что был у Володьки (Володя Ракчеев – одноклассник Андрея – М. Т.). Он сказал, что завтра к 12 часам должны быть 34 рубля. (Если я буду вместе с ними.) А мне очень хочется. Постарайся достать. А.

Да, видел сегодня англичанку. Она поставила 3 за четверть и советовала перейти в 10 класс без экзаменов (в прошлом году против этого была главным образом она). 34 р. 00 к. 12 ч. SOS».

Переписывала эту записку и почувствовала, как сильно до сих пор люблю своего брата, особенного того, юного, пусть эгоистичного, нетерпеливого, но такого открытого, бесхитростного и честного в своем эгоизме, в потребности удовлетворить свои желания. В этом была его сущность, которая впоследствии помогала ему выразить себя в творчестве. И все мы – мама, бабушка и я – исполняли его просьбы-требования. Мама доставала деньги (в то время подростки не могли подрабатывать – это было запрещено законом), я гладила рубашки и брюки, бабушка пыталась напеть по его просьбе старинные романсы – он хотел их исполнять под гитару.

Июнь 1951 года – время окончания школы. Андрей получает аттестат зрелости. Тройки по всем точным наукам, вдобавок и по истории СССР. Остальные предметы – четверки. Ни одной пятерки. Не до учения было Андрею в школе...

Однако держу в руках две тетрадные страницы – «10 «Б». Тарковского А. Диктант». Это отрывок из «Героя нашего времени» Лермонтова: «Вчера я приехал в Пятигорск...» Хочется читать и читать эту чудесную прозу. Но – это диктант, написанный красивым почерком, и ни одной ошибки, и в конце стоит «пятерка». Абсолютная грамотность у моего брата. Мог бы стать отличником – ведь сдавал же он экзамены в вузы на пятерки.

Характеристика, выданная в июле для поступления в вуз.

«Тарковский Андрей Арсеньевич
года рождения 1932 ученик 554 школы Москворецкого р-на
из класса в класс переходил успешно.

Он любит и знает литературу, особенно поэзию, его чтения на литературных вечерах получали одобрение слушателей. Он довольно успешно принимал активное участие в драматическом кружке самодеятельности и охотно выступал в клубах во время избирательных кампаний. Все поручения администрации и классного руководителя выполнял аккуратно, принимал участие в школьной печати. Пользовался авторитетом среди товарищей.

25 июля 51 г. Классный руковод. (Подпись неразборчива)».

Итак, школа окончена. Мама каким-то образом достает для Андрея путевку в санаторий «Истра», чтобы перед экзаменами в институт укрепить его здоровье – нельзя забывать, что он переболел туберкулезом. «Самое главное – соблюдай режим и поправляйся, хорошо?» – пишет ему его подруга Галя Р. и советует побольше заниматься. Впереди – поступление в вуз, только в какой? Еще раньше он хотел поступать в театральное училище, но папа считал, что сначала надо приобрести основательную профессию, а уже потом актерскую. После школы Андрей уже не думал об актерском образовании. Возникла идея Института иностранных языков.

«Зачем Андрей хочет поступать на английский? – писала я из деревни, где жила тем летом в семье маминых друзей. – Ведь он не будет там учиться». Я хорошо знала своего брата.

10.5. Марковского А.

Диктант.

9/IX

Вчера я приехал в Пятигорск,
нашёл квартиру на краю города,
на самом высоком месте, у по-
дшибы Машука: во время гро-
зы облака будто стучатся
до моей кровли. Нынче в
пять часов утра, когда я от-
крыл окно, моя комната
наполнилась запахом цветов,
растущих в скромной камнед-
ельке. Ветки цветущих чере-
шек смотрят мне в окна, и
ветер иногда усаживает мой пис-
менный стол на белые
сенежки. Вид с трёх
сторон у меня чудесный.
На запад пятиглавый
Бештау сидит; на север
поднимается Машук, как

Андрей – студент Московского института востоковедения. 1951 г.

Кто-то из друзей увлек Андрея Институтом востоковедения. Московский Институт востоковедения (1920–1954) был создан по указу Ленина вместо существовавшего с начала XIX века Лазаревского института восточных языков.

И, как ни странно, Андрей, не будучи комсомольцем, туда поступил. А ведь это был полузакрытый вуз, абитуриентов после вступительных экзаменов просеивала мандатная комиссия. Я в деревне ждала с волнением результатов и получила, наконец, от мамы замечательную телеграмму – Андрей принят! Отметки на экзаменах: сочинение – 4, литература – 5, география – 4, история – 5, английский язык – 4 – 22 балла.

В сентябре 1951 года я пошла в 10 класс, а Андрей – в институт. Это был замечательный момент, счастье и гордость за Андрея чувствовали мы все, у мамы прибавились силы. Андрею был куплен проездной билет, ездить надо было на метро в Сокольники, с пересадками. Институт находился по адресу: РОСТОКИНСКИЙ ПРОЕЗД, ДОМ № 13А. С 1931 по 1941 год в этом замечательном здании находился знаменитый Институт философии и литературы, ИФЛИ.

Первый учебный год прошел благополучно. Сохранилось несколько страничек из тетрадей студента Тарковского. Очень красивые арабские слова, написанные вязью с огласовками и работа по французскому языку – по этому достаточно сложному тексту видно, что обучение в институте было поставлено серьезно.

Но академические занятия были не для Андрея. Через год он потерял интерес к языкам, куда интереснее ему были встречи с друзьями, такими же стилистами, как и он (помню прозвище одного из них – Алик-Болгарин), прогулки по Серпуховке и по Бродвею, так у них называлась улица Горького (теперь снова Тверская). Его друзья увлекались джазом, ходили в Центральные бани и в «Националь»

и стриглись в парикмахерской гостиницы «Метрополь». Конечно, у Андрея на все это денег не было, но иногда они появлялись – от папы, да и мама подкидывала на баню и на стрижку.

Мне, его сестре, места в его бурной жизни не было. Моей постоянной обязанностью было гладить и крахмалить воротники и манжеты его белых рубашек – Андрей был большой пижон.

На мою долю выпало и совсем неприятное дело – поехать в Московский институт востоковедения, обойти с «бегунком» кафедры и библиотеку и получить в канцелярии документы исключенного брата.

Исключение Андрея из института было серьезным ударом для всей семьи.

Мама понимала, что его надо спасти от друзей (кстати, среди них могли быть и совсем неплохие ребята), от безделья, от «пошлого» (мамино определение) стилижничества с коками на голове и прочими атрибутами, от танцулес и легкомысленных девиц.

Милиция и комсомольцы-дружинники рьяно боролись со стилигами. Вот выписанные Андреем строчки, видимо, из какой-то газеты: «Пора прибрать к месту этих приятелей, разлагающих нашу молодежь, этих парней, старающихся быть похожими на американских гангстеров».

5 марта 1953 года советскую страну потрясло сообщение о смерти Сталина. В нашей семье никто не плакал. Мама молчала – думаю, что в душе она радовалась этой смерти, мама была из тех, кто понимал, что происходит в стране. Сейчас ее тревожило будущее: на что надеяться, будет лучше или хуже? Я хорошо помню день похорон, 9 марта. К Андрею пришла его подруга, мама курила, стоя у печки, чтобы дым от ее папиросы уходил в отдушину. Говорили о похоронах.

Андрей решил идти, мама его не останавливала. Но вернулся он довольно скоро и рассказал, что Серпуховская площадь (теперь Добрынинская) перегорожена грузовиками с солдатами...

Думаю, что Андрей и сам понимал, что дело (вернее, безделье) зашло слишком далеко, поэтому с готовностью оформился на работу (ее нашла мама через своих знакомых) в геологический институт НИГРИЗолото – он находился по адресу: ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ, ДОМ № 58. В качестве коллектора (некоторые биографы Тарковского путают это слово со словом «корректор») в мае 1953 года с Казанского вокзала Андрей отправился в экспедицию в Восточную Сибирь. Я его провожала...

Вернулся Андрей осенью, не предупредив нас. Ввалился в телогрейке, с рюкзаком и с чемоданом, полным камней. Волосы за лето отросли почти до плеч – он хотел стричься только в «Метрополе».

В Москве Андрей проработал в НИГРИЗолоте всю зиму на обработке полевого материала. Очень жаль, что альбом его зарисовок сибирской природы затерялся. В архиве этого Института его нет...

Мама на листочке записывает: «1954 г. Андрей.

4 янв. Зарплата (мне дал) 300 р.

Февр. 400 р. – 300 р. = 100 р.

4 марта 300 р.

5 апр. 400 р.».

Она записывает эти суммы не случайно – в доме появился помощник, он не оставляет деньги себе, большую часть отдает в семью, как настоящий мужчина. Мама гордится сыном. Вообще эти полгода, проведенные в тайге, сильно изменили Андрея. Он стал спокойнее, мягче, внимательнее, будто увидел, что кроме него самого, его интересов и увлечений есть близкие, любящие его люди – мама, бабушка, сестра.

Летом 1954 года он получил в НИГРИЗолоте такую характеристику:

«Тарковский Андрей Арсеньевич, – беспартийный, 1932 года рождения, работал в Туруханской экспедиции Научно-исследовательского горно-разведочного института (НИГРИЗолото) с 16 мая 1953 года по 11 апреля 1954 года в качестве коллектора.

За время работы в экспедиции Тарковский А. А. проявил себя добросовестным, дисциплинированным и исполнительным работником.

В камеральных условиях проявлял творческую инициативу в отдельных вопросах по обработке геоморфологического материала.

В общественной работе экспедиции и института принимал активное участие: состоял членом редколлегии стенной газеты «Комсомолец», работал агитатором на участке во время выборов в Верховный Совет СССР.

Гл. геолог Саянской экспедиции НигриЗолото,
Горный директор 3 ранга Зеgebарт.
21.VI.1954 г.

Дана для представления при поступлении в ВУЗ».

Характеристика появилась не случайно, Андрей твердо решил поступать во ВГИК. Его старший приятель, знакомый по одному лету в Кратове, Дмитрий Родичев, уже учился во ВГИКе на режиссерском факультете. Он и убедил Андрея туда поступать. До экзаменов Андрей снялся в учебном вгиковском фильме о баскетболистах.

Я тоже подрабатывала. В фотопавильоне института студенты – режиссеры и операторы – учились снимать портреты, ставить свет. Есть мой портрет, снятый братом-первокурсником.

Документы Андрея собраны: заявление, автобиография, аттестат, три фотокарточки, медицинская справка, характеристика, 20 рисунков (где эти рисунки?), рецензия. Помню, что Андрей готовил и свои фотоработы, мы вместе их печатали. Все сдано в приемную комиссию ВГИКа, написано заявление с просьбой допустить к экзаменам Тарковского А. А. Директор В. Н. Головня ставит на нем свою резолюцию – «Допустить к экзаменам». Начинаются экзамены, сколько волнений! И в первом туре, и во втором Андрей получает «отлично» по всем предметам, и только «посредственно» за сочинение. («Три ошибки» – видимо, запятые тоже считались ошибками.)

Тарковский писал рецензию на фильм С. Юткевича «Великий воин Албании Скандербег», снятый в 1954 году совместно с Албанией. Написав рецензию, он поехал к папе в Голицыно, чтобы тот ее прочел и сделал свои поправки или замечания. Папа фильма не смотрел и мало чем смог ему помочь.

К сожалению, рецензию эту кто-то похитил из архивного дела Тарковского. Но зато сохранилась работа «Концентрат», написанная по сибирским впечатлениям. (Сейчас в некоторых списках киноработ Андрея можно встретить это название. Это неверно. Фильм по этой экзаменационной работе никогда не был снят.)

Вот (не очень разборчиво написанное) резюме председателя приемной комиссии первого тура режиссера Бориса Григорьевича Иванова:

«В целом это хорошая работа. Есть сюжет, напряжение. Автор наблюдателен, умеет деталями создать настроение. Много слов – непосвященному неясно значение – концентрата – который стоит в самом главном месте. Совсем лишняя история ранения Веры Петровны в конце рассказа.

Отлично.

Б. Иванов».

И вот 25 августа 1954 года директор подписывает приказ о зачислении «в число студентов 1 курса режиссерского факультета сдавшего все экзамены и прошедшего по конкурсу Тарковского Андрея Арсеньевича».

6 сентября Андрею выдается студенческий билет, а позже – постоянный пропуск в Дом кино «на посещение секционных мероприятий» Союза работников кино.

Теперь Андрей в течение пяти с половиной лет почти каждый день ездил в институт по адресу: 3-й СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЕЗД, ДОМ № 1. 1-й, 2-й и 3-й проезды были в 1955 году названы Сельскохозяйственными по расположенной рядом Сельскохозяйственной улице (1937 год), в свою очередь получившей название по Сельскохозяйственной выставке (позже ВДНХ). Сейчас ВГИК расположен по адресу: улица Вильгельма Пика, дом № 3.

В 1954 году режиссерский курс набирал известный кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат пяти Сталинских премий Михаил Ильич Ромм. Однако в своей педагогической работе этот образованный, яркий, талантливый мастер не был партийным назидателем. Михаил Ильич на первом же занятии заявил, что научить режиссуре нельзя, можно научить профессии, а остальное будет зависеть от таланта. Он учил, что режиссеру необходимо отстаивать свои принципы, свой замысел фильма – это главное, что передал Михаил Ильич Андрею Тарковскому.

Став известным режиссером, Андрей часто говорил, как бы подтверждая слова Ромма, что режиссуре он учился на практике.

Наверное, это так, тем не менее институт давал студентам может быть идеологизированное, но систематическое образование. Вот, к примеру, предметы,

На следующем развороте:

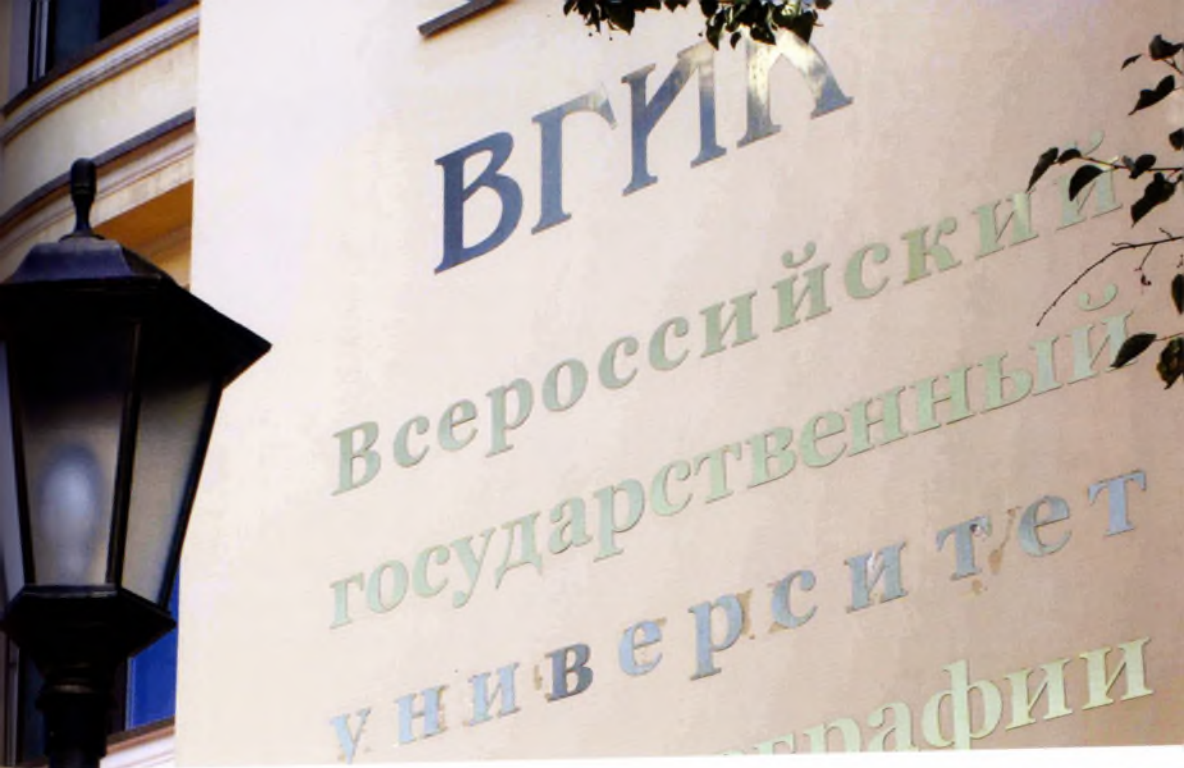
здание ВГИКа. Современный вид. Памятник выдающимся вгиковцам – сценаристу и поэту Геннадию Шпаликову, режиссеру и сценаристу Андрею Тарковскому, режиссеру, писателю и актеру Василию Шукшину. Скульптор Алексей Благовестов. Фото Н. Бантле с открытия памятника 1 сентября 2009 г.

ВГУК

ВГУК - 92 лет. Поздравляем!
1 сентября 2018

ВГУК

Андрей – студент ВГИКа. Портрет снят в фотопавильоне института. 1955 г.

которые проходили роммовские студенты на первом курсе: режиссерское мастерство, актерское мастерство, операторское мастерство, зарубежная и русская литература, зарубежное кино, музыка, английский язык, история кино, диамат, истмат и др. Это список, который Андрей выписал в небольшую тетрабочку, вероятно, после окончания первого курса. Против каждого названия предмета – оценка. Из 18 предметов у него четырнадцать – «отлично», три – «хорошо», один – «посредственно» (по истмату).

На первом курсе Андрей еще жил впечатлениями тасжного лета. Его экзаменационная работа «Концентрат», сцены, написанные для актерских этюдов,

наброски рассказов говорят о пережитом в Сибири, которое стало для него ценным опытом и даже давало некоторое преимущество перед однокурсниками-москвичами.

Жаль, что прекрасно начатый рассказ «Болота» остался незаконченным:

«Напрягая последние силы и цепляясь за кривые кустики ольхи, они вскарабкались на вершину останца*, не снимая заплечных мешков, упали на хрупкий ягель. Ствол ружья, которое нес Андрей, стукнул о камень. Было очень тихо. Только звенела мошка, и в голубовато-серых каменных россыпях, что ниже по склону, неутомимо свистел какой-то зверек. От жары воздух дрожал и струился вверх в выцветшее раскаленное небо. Вокруг останца раскинулась немая тайга,

* Останец (геол.) – изолированная возвышенность, уцелевшая от разрушения горных пород процессами выветривания.

тонушая в мареве болотных испарений. В ее частом и жестком ворсе поблескивали озера и мочажины. Но больше места занимали ровные красивые пятна ядовито-зеленого цвета. Они были разной формы и величины, но почти всегда соединялись, образуя причудливые узоры на темно-зеленом фоне тайги. Это были болота...»

На первом курсе завязывались студенческие дружба. Андрей ездил в институт на метро. Он садился на станции «Павелецкая» или «Серпуховская» и присоединялся к Саше Гордону, который ехал с «Таганской». Они выходили на станции «Ботанический сад», названной так по располагающемуся рядом старому Ботаническому саду (теперь это станция «Проспект Мира»). Потом садились на троллейбус 48 и ехали до института. За это время можно было наговориться всласть...

Сибирский опыт Андрея сблизил его с однокурником-сибиряком Василием Шукшиным, о котором он с воодушевлением рассказывал дома.

Рабочий момент съемок учебного фильма «Убийцы». Слева направо: за стойкой А. Гордон, А. Тарковский, М. Бейку, А. Рыбин, А. Альварес. 1956 г.

Уже кончилось увлечение студенткой-практиканткой из экспедиции, его затмила новая, институтская любовь – девушка-загадка, однокурсница Ирма Рауш...

В небольшой учебной студии ВГИКа студенты могли снимать учебные работы. На втором курсе выбирались эпизоды для немой съемки (эпизод Андрея назывался «Товарищ Анри», вероятно, по какому-то французскому рассказу), на третьем – снимались курсовые работы. Над короткометражным учебным фильмом «Убийцы» по рассказу Хемингуэя начали работать трое однокурсников – Мария Бейку, Александр Гордон и Андрей Тарковский. Втроем потому, что каждому отдельному студенту маленькая студия не могла предоставить такую возможность.

Из двадцати предметов, необходимых для эпизода в меблированных комнатах (эпизод достался А. Гордону), в котором снимался Василий Шукшин, в костюмерно-реквизиторском цехе институтской студии нашлось лишь две пары ботинок, кепка (темная), матрас, две подушки с наволочками, скатерть

Ирма Рауш – студентка ВГИКа. 1955 г. Фотопавильон института

клетчатая, вазочка для цветов. Остальной реквизит студентки приносили сами.

Сохранилась папка Андрея с рисунками-раскадровками, сделанными им к фильму. Он снялся в небольшой роли посетителя кафе. В фильме снимались его однокурсники – В. Виноградов, А. Гордон, Ю. Файт, В. Шукшин и студент с актерского факультета В. Новиков. Операторами были студенты параллельного операторского факультета А. Рыбин и А. Альварес. Работа была хорошо принята педагогами и однокурсниками.

На четвертом курсе курсовой работой А. Гордона и А. Тарковского стал короткометражный фильм «Сегодня увольнения не будет» по очерку журналиста Аркадия Сахнина «Эхо войны», опубликованному в «Комсомольской правде» 8 декабря 1957 года. Указ о награждении участников опасной операции по вывозу немецких снарядов в Курске и фото героев были напечатаны в той же газете 12 декабря 1957 года.

М. И. Ромм предложил студентам эту тему, и друзья решили взяться за нее, чтобы сделать картину с напряженным действием о наших военных, рискующих жизнью ради спасения города. И если в фильме французского режиссера Анри Клузо «Плата за страх» (1952 год) люди берутся за рискованное предприятие (перевозка взрывчатого вещества – нитроглицерина) ради денег и гибнут, то в картине «Сегодня увольнения не будет» (1958 год) подвиг совершается бескорыстно, из чувства долга, «ради жизни на земле». В фильме чувствовались опасность и напряжение, возникала зрительская симпатия к персонажам, которые исполнялись студентами, ставшими впоследствии известными актерами. Это были С. Любшин, А. Куравлев, В. Маренков. В главной роли снимался актер Олег Борисов.

Слева направо: братья и сестра Марии Ивановны – Юрий Иванович, Ирина Ивановна, Владимир Иванович Вишняковы и Андрей Тарковский. Весна 1955 г.

В апреле 1957 года Андрей Тарковский и Ирма Рауш становятся мужем и женой. Мама сняла им комнату недалеко от нас, в одном из корпусов дома № 31 по Большой Серпуховской улице. В то время мы часто встречались и с Андреем, и с Ирмой, с Иррой, как ее все называли.

Летом они уехали на практику на Одесскую киностудию. Вот открытка от Андрея из Запорожья – из Одессы их посылали в командировки:

«Милые мои! Мы опять в командировке. Уже холодно. Пришлите в Одессу пальто – мое и Иркино. У нас все в порядке. Целую вас. Андрей.

P.S. Пальто мое, которое новое».

Возвратившись в Москву, молодожены некоторое время жили в 1-м Щиповском переулке с нами, а потом снова стали снимать жилье. Сейчас уже и не вспомнить всех адресов, по которым жили молодые Тарковские. На эту тему любил шутить Василий Шукшин. Он также проходил летнюю практику на Одесской студии и остался там сниматься в фильме Марлена Хуциева с рабочим названием «Два Федора и Наташа». Вот отрывок из письма, которое написал ему Андрей из Москвы по возвращении из Одессы:

«27 ноября 1957.

Дорогой Василий!

Ну как у тебя дела? Как дела у Марлена, Пети (Петр Тодоровский был оператором на фильме Хуциева. – М. Т.) и остальных? Как утряслись актеры? Что нового? Как съемки?

Как ты себя чувствуешь, старик? Было бы очень здорово, если бы ты ответил одним письмом, хотя бы коротеньким и деловым...»

Дипломную работу Тарковский снимал на студии «Мосфильм» – это была большая удача. 18 апреля 1960 года Андрей был зачислен на должность ассистента режиссера третьей категории на период выполнения дипломной работы. А с 3 мая 1960 года – у Андрея уже должность исполняющего обязанности режиссера кинокартины «Каток и скрипка». Сценарий фильма был написан Тарковским вместе с Михалковым-Кончаловским. Оператором фильма стал Вадим Юсов. Помню, как он со своей женой, звукооператором Инной Зеленцовой, приходил к нам в 1-й Щиповский. Разговор шел о будущем фильме, все буквально горело в предчувствии скорой работы.

Музыку писал замечательный композитор Вячеслав Овчинников. Собрались молодые талантливые единомышленники...

На работу над фильмом ушло одиннадцать месяцев. В марте 1961 года Тарковский был «освобожден от занимаемой должности по окончании дипломной работы по картине "Каток и скрипка"».

Итак, дипломный фильм был окончен.

Андрей получает диплом с отличием.

«Настоящий диплом выдан Тарковскому Андрею Арсеньевичу в том, что он в 1954 году поступал во Всесоюзный государственный институт кинематографии и в 1960 году окончил полный курс названного института по специальности «кинорежиссура».

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 5 мая 1961 года присвоена квалификация кинорежиссера.

Председатель Государственной экзаменационной комиссии: Луков
Директор: Грошев
Секретарь: Левенкова

Гор. Москва, 1961 год
Регистрационный № 41».

А вот и «Приложение к диплому» – «Выписка из зачетной ведомости». С 1954 по 1960 год сдано двадцать предметов (вернее, девятнадцать – от физвопитания и спорта он был освобожден) – двенадцать – «отлично», три – «хорошо» и четыре зачета. И дальше:

«Тарковский Андрей Арсеньевич выполнил производственную практику с оценкой «отлично». Сдал государственный экзамен по диалектическому и историческому материализму с оценкой «отлично». Защитил дипломную работу – короткометражный художественный фильм «Каток и скрипка» – «отлично».

Подписи ректора ВГИКа Грошева, декана постановочного факультета Тавриана и секретаря факультета Амитон. Дата 5 мая 1961 г.»

Дипломную работу действительно пришлось «защищать» во время обсуждения от нападок членов комиссии, это был первый бой молодого кинорежиссера. Он помнил, чему учил своих студентов М. И. Ромм.

Биографию Андрея невозможно вспоминать без имени Михаила Ромма и Вадима Юсова. Именно они рекомендовали начальству студии «Мосфильм» поручить Тарковскому «довести до ума» фильм по рассказу В. Богомолова «Иван». Предыдущему режиссеру не удалось справиться с работой, половина денег была истрачена, и Андрею предлагалось снять фильм на остатки от сметы. Андрей поставил условия – он и Андрей Кончаловский перепишут сценарий, и сниматься в фильме будут другие актеры.

1 марта 1961 года Андрей был отчислен со студии по завершению работы над дипломной работой, а уже 15 апреля того же года вновь зачислен – режиссером третьей категории в Первое творческое объединение. Интересно, что официально Андрей окончил институт 5 мая 1961 года, а в штат «Мосфильма» его приняли на полмесяца раньше.

1 августа 1961 года фильм «Иваново детство» был запущен в производство. Съемки фильма проходили на «Мосфильме» и на «натуре» в городе Каневе на Украине.

А через год фильм был отправлен на Венецианский кинофестиваль, где получил главный приз – «Золотого льва Святого Марка». Главный приз получил также итальянский режиссер Валерио Дзурлини за фильм «Семейная хроника». Андрей Кончаловский за фильм «Мальчик и голубь» и Юлий Карасик за фильм «Дикая собака динго» также были награждены «Золотыми львами».

Молодые режиссеры вернулись в Москву героями. Голова кружилась от поздравлений друзей, внимания прессы. И хотя в документе о приеме на «Мосфильм» (май 1961 года) стояло «жилплощадь не предоставляется», Андрей получил от Госкино двухкомнатную квартиру в новом доме напротив Курского вокзала.

(Райжилотдел Москворецкого района опоздал со своим подарком венецианскому лауреату и его жене – им предлагалась пятнадцатиметровая комната в старом деревянном доме в одном из Павловских переулков.)

Так в жизни Тарковского появился новый адрес: УЛИЦА ЧКАЛОВА, ДОМ № 24–32. (Сейчас улице вернули прежнее название – Земляной Вал.) Такой номер дома – свидетельство того, что на этом месте было снесено пять старых домов.

На следующем развороте:

улица Земляной Вал, дом № 24–32. В этом доме Андрей Тарковский прожил со своей первой семьей несколько лет

СОВЕРШЕНСТВО
ПАРИКМАХЕРС

Андрей Тарковский (слева) и Юлий Карасик – лауреаты Венецианского кинофестиваля. 1962 г.

30 сентября 1962 года родился сын Арсений. Рожать Ирма уехала к матери в Казань. Андрей был лишен такого важного и тревожного времени в жизни мужчины, как ожидание появления на свет ребенка. А эти волнения и тревоги сближают мужа и жену, прибавляют любви отца к новорожденному.

Малыш был сразу же прописан в 1-м Щиповском переулке, но вскоре молодая семья уже проживала на улице Чкалова.

(Нас, пятерых оставшихся в 1-м Щиповском, сняли с очереди на жилье, так как теперь на каждого получалось чуть больше четырех метров. Но об этом никто не жалел, все радовались, все были счастливы за Андрея и Ирму.)

Теперь, после такого триумфа, надо было думать о новом, втором, фильме, и фильм этот должен быть не хуже первого, а, может быть, и лучше. Вот тогда можно будет считать, что успех «Иванова детства» не случаен, и что имя Тарковского утвердилось в советском кино. О чем будет этот второй фильм? Где найти «гениальный» сценарий?

Помогла дружба и молодая энергия «без страха и упрека». Актер Василий Ливанов предлагает идею фильма – история древнего русского иконописца Андрея Рублева. Он хотел бы сыграть в этом фильме главного героя. Ливанов уезжает в Сибирь на съемки картины режиссера Калатозова «Неотправленное письмо», а Кончаловский и Тарковский садятся за сценарий «Рублева», начинают изучать исторические источники.

Возвратившись со съемок, Ливанов узнает, что сценарий по его идее написан, но он к нему уже отношения не имеет...

Удивительно много вместил для Тарковского этот 1962 год. Успех «Иванова детства», поездка в Венецию и получение там Гран-при фестиваля, поездка с картиной в Индию и на Цейлон, получение квартиры, радость за отца, у которого вышла, наконец, его первая книга стихов «Перед снегом», начало работы над сценарием «Рублева» и, главное, рождение сына. Андрею открывается дорога в Союз кинематографистов, он принят в него в феврале 1963 года. Повышается должность и, соответственно, оклад Тарковского на студии – 27 сентября 1963 года ему «присвоено должностное наименование кинорежиссера-постановщика II-й категории».

В августе 1964 года Тарковский едет в Венецию уже как член жюри Венецианского кинофестиваля, а в ноябре приступает к съемкам «Андрея Рублева».

Здесь необходимо вспомнить имя Георгия Ивановича Куницына (1922–1996), историка, кинокритика, доктора философских наук. С 1961 по 1966 год он работал в отделе культуры ЦК КПСС. Благодаря ему сценарий прошел цензуру, будучи опубликованным в журнале «Искусство кино», и был запущен в производство. *«Мы встретились в 1963 году, когда я стал заместителем заведующего подотделом кинематографии ЦК КПСС. ... Я им (авторам сценария. – М. Т.)*

Андрей Тарковский перед поездкой на кинофестиваль в Сан-Франциско с фильмом «Иваново детство». 1962 г.

Оператор Маргарита Пилихина и Андрей Тарковский на съемках фильма «Мне двадцать лет» (режиссер М. Хуциев). 1962 г.

заявил, что положу все свои силы, чтобы помочь поставить этот фильм», – писал Георгий Иванович в своих воспоминаниях.*

Съемки исторического по жанру фильма с большим количеством актеров, с массовыми сценами требовали огромного напряжения съемочной группы. Но по воспоминаниям участников, всех объединял творческий подъем.

На съемках «Рублева» началось знакомство Андрея с Ларисой Кизиловой. Она работала на «Мосфильме» сначала в цехе обработки пленки, затем помощником режиссера на совместном итало-советском фильме режиссера Де Сантиса «Они шли на Восток» (итальянское название «Итальянцы – славные ребята»),

* «О Тарковском», М., изд. «Дедалус», 2002.

Андрей Тарковский с сыном Арсением в доме на улице Чкалова. 1963 г.

1962–1964 гг.). Будучи отчисленной из итало-советской группы, была принята помощником режиссера на фильм Тарковского.

Наступивший 1965 год приносит Тарковскому приятный сюрприз – ему присвоено «должностное наименование кинорежиссера-постановщика I категории». Приятность – это, во-первых, признание его как высокого профессионала, в то время, как картина «Андрей Рублев» еще не закончена. Во-вторых, повышение зарплаты.

Фильм «Андрей Рублев» был окончен в 1966 году, в декабре в Белом зале Союза кинематографистов состоялась его первая премьера. В феврале 1969 года была вторая премьера в Большом зале Дома кино. Первая, вторая премьера – звучит нелепо, премьера может быть только одна. Но в советской кинематографии случалось всякое. Так, «Андрей Рублев» был продан за границу задолго до появления в советских кинотеатрах. На Каннском кинофестивале 1969 года фильм получил приз ФИПРЕССИ (фильм демонстрировался вне конкурса)

Андрей Тарковский на Международном московском кинофестивале. 1963 г. Фото Г. Иноземцева

«за исключительное качество произведения, прославляющего величие художественного творчества и подчеркивающего ответственность художника», о чем Генеральный секретарь ФИПРЕССИ господин Беретта телеграммами сообщил кинорежиссеру Тарковскому и секретарю Правления Союза кинематографистов СССР А. Караганову. На тексте телеграммы Тарковскому стоит пометка: «В почту А. В. Караганова (копия дана т. Славнову А. А.)». Странная и неприличная пометка, не правда ли?

А этому предшествовало письмо 1968 года председателя Комитета по кинематографии А. Романова в ЦК КПСС (с грифом «Секретно»). Комитет *«полагает нецелесообразным направлять на конкурс (Каннского кинофестиваля) фильм «Андрей Рублев», так как этот фильм может быть извращенно истолкован французской общественностью»*. Фильм вышел на отечественные экраны лишь в 1971 году, было отпечатано всего 277 копий (обычные тиражи советских фильмов 1500–3000 экземпляров).

21 октября 1966 года умирает наша бабушка, Вера Николаевна. Она сломала шейку бедра, что для старых людей бывает преддверием смерти. Ей было 86 лет. Всю свою жизнь она заботилась о близких – ухаживала за внуками, вечно что-то шила, перелицовывала для мамы, папы и для нас. На похороны собрались родственники – папа, мама, Андрей, бабушкины племянницы. Хоронили бабушку на Котляковском кладбище. Андрей разделил грустные обязанности с моим мужем, своим однокурсником и соавтором вгиковских учебных фильмов Сашей Гордоном.

Позже брат писал, что ему трудно выносить проявление чьих-либо эмоций. Этого тогда я не знала, да если бы и знала, не сдержала бы слез – для меня смерть бабушки была первым глубоким горем.

Тарковский думает о новом фильме. Его волнует прошлое, детство и, одновременно, события, происходящие в последние годы – связь с Ларисой Кизиловой, чувство вины перед первой семьей и перед родителями. Он задумал фильм-оправдание, фильм-прощание со всем, что его связывало с прошлым. Было придумано много говорящих названий – «Исповедь», «Искушение», «Почему ты стоишь вдали?» (вспомним финальные кадры «Зеркала»), «Безумный ручеек» (слова из поэмы Н. Заболоцкого «Торжество земледелия»: «Там стояли две-три хаты/Над безумным ручейком...» – сообщение Д. Салынского), «Белый день» и окончательное – «Зеркало». Работа над сценарием началась в 1967 году, продолжилась в следующем.

В марте 1968 года Тарковский и его соавтор, драматург и сценарист Александр Мишарин работают в Доме творчества «Репино» под Ленинградом. К празднику 8 марта мама получает от Андрея открытку: *«Поздравляю, нежно целую мамулю. Я на днях напишу тебе письмо – ответь на него. Очень люблю и скучаю. Андрей»*. Что хотел написать Андрей маме в обещанном письме, можно только догадываться. Жаль, что он не написал этого письма.

В конце лета 1968 года Тарковский возвращается в Москву из Ялты, где был одним из сценаристов и художественным руководителем фильма Л. Кочаряна «Один шанс из тысячи».

«8 авг. 68 г.

Мамуля, милая!

Три дня тому назад приехал из Ялты, я помогал там одной одесской картине. Чувствую я себя хорошо, Сашка (А. Гордон. – М. Т.) расскажет. С работой пока еще неясно, но думаю за месяц или полтора что-нибудь решится.

Как ты себя чувствуешь? Очень я беспокоюсь о твоём здоровье, сейчас чуть меньше, Сашка сказал, что все обошлось с твоей болячкой.

Жаль, что не застал тебя в Москве. Я сейчас ненадолго (недели на три) съезжу в деревню в Рязанскую область. Буду писать сценарий.

У вас там хорошо. Правда, будто много народа. Но зато грибов много.

Как Миша? (внук Марии Ивановны, мой сын. – М. Т.).

Не нервничай, пожалуйста, особенно по пустякам.

Как только приеду в Москву, сразу появлюсь. Ты ведь не собираешься, как папа, лишиться меня наследства?

Обнимаю тебя, крепко целую – твой псын-свин.

(Подпись в виде шаржированного автопортрета. – М. Т.)

Это письмо требует некоторого комментария. Оно было передано маме моим мужем. Саша привез его в деревню Львово, где мы сняли «дачу» для мамы с нашим сыном Мишей и для Надежды Дмитриевны, матери Ирмы, с шестилетним Арсением, Сеней. Из этой совместной жизни ничего хорошего не получилось, с Надеждой Дмитриевной маме сосуществовать было невозможно. Наверное, Андрей это понимал, когда писал, что «на даче» «будто много народа». Андрей в июле провел во Львове дня три-четыре, гулял с детьми, общался с нами. Он не пишет, скрывает от мамы, с кем поедет в Рязанскую область. Однако в конце письма все-таки намекает на свой уход из семьи. Папа знал, что у Андрея появилась любовница. Он увидел ее в гостинице во Владимире, куда приехал с женой на съемки «Рублева». Как-то папа шутливо сказал Андрею, что лишит его наследства, если он бросит жену и сына, – он не хотел, чтобы Андрей повторял его ошибки.

Встреча с мамой в деревне и замысел будущего фильма, в котором она должна была играть (согласится ли мама на такое испытание?), приближали Андрея к ней. Это время было очень сложным для Андрея. У него были нелады со здоровьем, были сложности в личной жизни. Он попытался исправить отношения с Ирмой, но это была безнадежная попытка. Приезжала в Москву дама из Ленинграда. Но в рязанскую деревню он уехал с Ларисой Кизиловой.

Тарковский понимает, что сценарий «Зеркала», ему, автору положенного «на полку» «Рублева», снимать или вовсе не дадут или сильно помучают. Он решает устроить себе передышку – обратиться к «проходному» жанру научной фантастики. Осенью того же 1968 года он начинает работу над сценарием «Соляриса» с писателем и сценаристом Фридрихом Горенштейном. С первым

вариантом сценария категорически был не согласен автор романа Ст. Лем. Был написан второй вариант сценария.

Можно только поражаться, как много работает Тарковский и как мало он отдыхает. Но только работа спасает от житейских проблем.

Он снова не имеет своего жилья – живет у родственников будущей второй жены, то на ЗВЕЗДНОМ БУЛЬВАРЕ в ДОМЕ № 4, то в ОРЛОВО-ДАВИДОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ, в ДОМЕ № 2/5. Не правда ли, нам знакомо название переулка? Да, именно в этом переулке рядом с домом 2/5 была детская туберкулезная больница, в которой в 1947–1948 годах находился на лечении подросток Андрей Тарковский. С какими чувствами проходил он теперь мимо этих больничных корпусов из красного кирпича?

В январе 1970 года он уже называет своим постоянным адресом дом 2/5, который находится на углу Орлово-Давыдовского переулка и Большой Переяславской улицы. Совсем рядом – Проспект Мира, бывшая 1-я Мещанская. Дом 2/5 – пятиэтажный, довоенной постройки.

Когда-то это была «коммуналка», которая находилась на последнем, пятом, этаже и состояла из трех комнат. В двух проходных комнатах жили мать, тетка Ларисы Павловны и она сама. В третьей, большей изолированной комнате, жила соседка. (Именно в ней позже был устроен кабинет Андрея.) Потом квартира стала принадлежать только Анне Семеновне Егоркиной и ее дочери Ларисе Павловне Кизиловой.

Ровно пять лет отец, Арсений Тарковский, не решался заключить брак с Татьяной Озерской. Ровно через пять лет после знакомства с Ларисой Кизиловой его сын, Андрей Тарковский, официально разводится с первой женой и летом 1970 оформляет брак с ней. Она становится его женой. В этом же году у них родился сын Андрюша, Тяпа, как звали малыша в семье.

Дом, где жила семья, находился в плачевном состоянии, с потолка лило. (Позже его поставят на капитальный ремонт с выселением жильцов.) Приходилось подставлять под капель тазы. Именно такую картину застали высокие гости, знаменитые итальянцы: продюсер Карло Понти, актер Марчелло Мастоляни со свитой.

Карло Понти, несмотря на истинно русское гостеприимство супругов Тарковских, решил, что Андрей – странный человек, какой-то хиппи.

В Орлово-Давыдовском бывали не только заезжие знаменитости, но и его друзья. Бывал там Шавкат Абдусаламов, художник, писатель и кинорежиссер.

Шавката поразило многое: «*Стол был накрыт в гостиной. Дом... Благоухающая свежесть ребенка в кровати, верхний этаж, большие окна, и что совсем уж сногшибательно (после моей комнатенки) – личный кабинет, где мы после борща пытались беседовать. Вот тогда я уже стал замечать перемены в Андрее...*»

Работал там с Андреем замечательный писатель и сценарист Фридрих Горенштейн. Они вместе напишут сценарии «Солярис» и «Ариэль».

Надо было думать о более комфортабельном жилье. Первый секретарь Правления Союза кинематографистов Л. А. Кулиджанов обещал помочь.

Состояние души Тарковского нельзя назвать безоблачным. В его дневнике 1970 года появляются записи о трудных отношениях с родными, от которых он несколько лет скрывал свою связь с Кизиловой. Он винит родных, которые любят его первую жену, винит и себя самого. Мучает его и невозможность видиться с сыном – бывшая жена Ирма Рауш-Тарковская не хочет этих встреч.

«Андрей Рублев» уже пятый год лежит «на полке», и только сейчас начинаются разговоры у идеологического начальства о его выходе на экраны в марте 1971 года, после очередного съезда КПСС.

Весной 1970 года режиссер начинает вплотную работать над фильмом «Солярис». (Для съемок космической станции – эпизод «Библиотека» – ему нужны репродукции «Охотники на снегу» и «Падение Икара» Брейгеля, три офорта Рембрандта.)

С издательством «Искусство» заключен договор о написании книги о кино «Сопоставления», которая впоследствии получит название «Запечатленное время». Работа над книгой начата с киноведем Л. Козловым, которого Тарковский глубоко уважал, но работа тормозится, что также мучает Тарковского.

В Дневнике 7 сентября 1970 года Андрей записывает: «*Что можно было бы поставить в кино:*

1. «Кагол» (о суде над Борманом).
2. О физике-диктаторе (варианты версии).
3. «Домик с башенкой».
4. «Лукалки».
5. «Дезертиры».
6. «Иосиф и его братья».
7. «Матренин двор» по Солженицыну.
8. О Достоевском.
9. «Белый день». Скорее!

На предыдущем развороте:

Звездный бульвар, дом № 4. Современный вид

Орлово-Давыдовский переулок, дом № 2/5. Современный вид

На съемках фильма «Солярис». Донатас Банионис и Андрей Тарковский. 1971 г.

10. «Подросток» Достоевского.

11. «Жанна д'Арк, 1970 г.».

12. «Чума» по Камю.

13. «Двое видели лису».

Сценарии:

1. «Последняя охота», или «Столкновение».

2. «Катастрофа».

3. О летающем человеке (по Беляву).»

И еще под этой датой важная запись, которую невозможно не отметить:

«...Без надежды нет человека. В искусстве следует показать этот ужас, в котором живут люди, но только в том случае, если найден способ в результате выразить Веру и Надежду».

Весной 1971 года на экраны наконец вышел фильм Тарковского «Андрей Рублев», который лежал «на полке» с 1966 года. И сразу в газете «Комсомольская

правда» появляется статья, порочащая фильм. В Москве нет ни одного анонса о нем, в газетах – ни одного объявления. Не все зрители принимают картину, однако Андрей получает много восторженных отзывов.

Идет работа над фильмом «Солярис».

1 ноября 1971 года скоропостижно умирает кинорежиссер, учитель Тарковского Михаил Ильич Ромм. Андрей высоко отзывается о нем в некрологе.

А по поводу уже снятого «Соляриса» в общей сложности предъявлено 35 замечаний. Выполнить их Тарковский не считает возможным, так как «это развалит фильм». 29 марта 1972 года «Солярис» сдан без поправок.

4 апреля 1972 года Андрею исполнилось сорок лет. В его трудовой книжке появляется запись: «В связи с 40-летием со дня рождения и отмечая плодотворную деятельность на киностудии объявлена благодарность».

Однако Андрей недоволен собой: *«Что я сделал к этому времени? – записывает он в дневнике. – Три жалких картины – как мало, как ничтожно мало и плохо»*. У него тяжелое настроение, тяготит домашняя обстановка: *«...ни покоя, ни тишины нет... В доме содом, шум, вечная уборка, крики, беготня. Работать очень трудно. А думать невозможно»*.

Летом 1972 года Тарковскому присвоена «тарифно-квалификационная категория кинорежиссера-постановщика высшей категории». Замечательно, повышалась и зарплата, но не надо забывать, что во время так называемого «простоя» в течении девяти месяцев выплачивалось от зарплаты 66%, а дальше уже ничего. Лариса Павловна жила на широкую ногу, часто делала долги. Вот и приходилось Тарковскому тратить силы и время на работу в качестве художественного руководителя или выступать со своими фильмами и в Москве, и в других городах.

Тарковский размышляет о счастье, их с Александром Мишариным сценарий «Белый день» (название заимствовано у Тарковского-отца) кончается словами: *«В конце-концов, я хотел быть просто счастливым»*. А в замысле ненаписанного рассказа говорится, что нормальный человек не может быть счастливым.

К периоду жизни в Орлово-Давыдовском переулке относятся и поездки в Армению – Андрей был художественным руководителем на студии «Арменфильм» у режиссера Баграта Оганесяна (фильм «Терпкий виноград») и зарубежные поездки – в Италию, Бельгию, Люксембург, ГДР.

Андрей Тарковский на съемках фильма «Зеркало». 1973 г. Фото В. Мурашко

В 1972 году в договоре о передаче сценария «Белый день» («Исповедь») киностудии «Мосфильм» Тарковский сообщает свой новый адрес: БАЛТИЙСКАЯ УЛ., ДОМ № 6, КОРП. 3. Однокомнатную квартиру по этому адресу выделил ему Союз кинематографистов. В этой квартире Тарковский никогда не жил, она была сдана им Союзу при получении квартиры в 1-м МОСФИЛЬМОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ.

1973 год отмечен ожиданием запуска фильма «Белый день». Прочитан «Пикник на обочине» братьев Стругацких: «Тоже можно сделать лихой сценарий для кого-нибудь». Пока речь идет лишь о возможности заработать. И проекты – «Идиот», фильм о Достоевском, «Отец Сергей» по Льву Толстому.

Премьера «Соляриса» состоялась в Москве 5 февраля 1973 года. Прошла она в кинотеатре «Мир» вторым экраном, что было оскорби-

тельно для создателей фильма. Андрей на премьере не был, формальная причина – грипп.

Летом 1973 года идут съемки фильма «Зеркало». Снимает фильм оператор Георгий Рерберг. Вадим Юсов отказался снимать этот фильм, он считал, что в нем Андрей «становится на котурны».

Режиссер Театра им. Ленинского комсомола Марк Захаров приглашает Тарковского поставить в этом театре какую-либо пьесу. Тарковский думает о Шекспире, пока это «Юлий Цезарь», к постановке он хочет привлечь композитора Эдуарда Артемьева, с которым работал на «Солярисе» и сейчас работает на «Зеркале». Их связывает взаимное понимание и доверие.

В связи с возможной работой в ФРГ Тарковский задумывается над совместной постановкой одного из романов Томаса Манна. Когда-то он мечтал поставить «Волшебную гору», теперь его привлекает «Доктор Фаустус», роман о судьбе художника, который расплачивается своей душой за возможность творить.

Для выбора места для натуральных съемок «Зеркала» Тарковский и часть съемочной группы ездили в Юрьевец, в город на Волге, где он ребенком до войны бывал у бабушки, а во время войны провел два года в эвакуации. Этот город был для Андрея связан с детством, которому он придавал большое значение в развитии личности. Теперь его постигло разочарование, город изменился. В связи с постройкой каскада электростанций Волга разлилась, город был защищен дамбой, которая искажила вид набережной. К тому же нижняя часть города исчезла, так же как и гора за «Флягинской» школой, в которой учился Андрей – ее срыли для стройки дамбы. Странно, что город не вызвал у него ностальгических чувств, ведь оставались в прежнем виде школа и дом, в котором жила семья, мощенная булыжником улица Энгельса с большим амбаром в конце, центральная улица и дом, куда он ходил с мамой заниматься на пианино. Видимо, душевное состояние Тарковского, а может быть, присутствие посторонних, не позволили ему вернуться в свое далекое детство...

«13 июля 73.

Милая мамуля!

На твое письмо я уже ответил и его отправил. Может быть ты его уже получила.

У нас все в порядке, не считая того, что я совершенно заматался с картиной и нахожусь при последнем издыхании.

Завтра еду в Тучково. Не удивляйся приезду Валерия (В. Харченко, один из ассистентов режиссера на фильме «Зеркало». – М. Т.). Он тебе все объяснит. Может быть тебе захочется посмотреть на Нью-Хутор в Игнатьеве. Тяпа сейчас уже там – в Игнатьеве. Сейчас там хорошо, прошли дожди, зелень долго не выгора-

Андрей Тарковский на съемках фильма «Зеркало». 1973 г. Фото В. Мурашко

ет, что для нас, правда не очень хорошо. Если возникнет проблема с Мишкой – бери его с собой.

*Целую тебя крепко – твой (вместо подписи – портрет автора письма. – М. Т.).
(Сейчас у меня такая прическа.)»*

В новом, 1974 году, продолжается работа над фильмом «Зеркало» – это название было окончательно утверждено Тарковским. Идет монтаж фильма; впереди борьба за его метраж и за фильм в целом.

Вместе с Виктором Шкловским Андрей пишет письмо Первому секретарю ЦК Компартии Украины Щербицкому в связи с осуждением кинорежиссера Сергея Параджанова (апрель 1974 года).

В мае, приехав из Италии, сомневается в «возможностях заграничных»: *«Тяжело там. И жить, и работать».*

2 октября 1974 года не стало Василия Шукшина. Андрей позвонил Саше Гордону: «Ты знаешь, Шукшин умер». (В тяжелые, «роковые» минуты судьбы Андрей забывал о разладах как о ненужном житейском мусоре.) Гражданская панихида была в Доме кино. Какое-то время Андрей и Саша стояли у гроба с траурными повязками на руках, потом их сменили другие. На автобусе вместе приехали на Новодевичье кладбище. Там толпа их разъединила... В письме Сергею Параджанову в лагерь Андрей писал: *«Дорогой Сережа! Ты прав – Васи́на смерть – это звено общей цепи, которая удерживает нас рядом друг с другом...»*

В декабре 1974 года состоялась премьера «Зеркала» в московском Доме кино. Большинство «братьев по цеху» фильм не приняли, он показался им слишком сложным и непонятным. Андрей с участниками съемок стоял в вестибюле, а мимо него текла многочисленная толпа зрителей, в основном «киношников». И мало кто подходил к нему, чтобы поздравить с выходом фильма. Однако после премьеры многие звонили ему домой, а критик Л. Аннинский прислал письмо, в котором назвал фильм важнейшей акцией современного искусства.

«Картину («Зеркало») я с трудом сдал начальству, и малой кровью, т. е. без оскорбительных заplat или, наоборот, вставок, которых настоятельно добивался от меня Ермаш. ... Тем не менее тираж мизерный – видимо, они решили прокатывать «Зеркало» вторым или третьим экраном. Как «Рублева» или еще хуже. Оценили картину (деньги за постановку) как второстепенную – 2-я категория. Приезжал Бесси – директор Каннского фестиваля. Весной прошлого года Ермаш обещал ему картину, даже слово давал, а тем не менее категорически отказал в "Зеркале"».

Так писал А. Тарковский журналисту Ст. Кондрашову 10 марта 1975 года.

Весной 1975 года фильм «вышел на экраны страны». В Москве он шел только в двух кинотеатрах – «Таганском» (на Таганской площади) и «Витязе» (на улице Миклухо-Маклая). Всего было напечатано 73 копии – на весь Советский

← Андрей в своем кабинете с сыном Андрюшей.
Орлово-Давыдовский переулок, дом 2/5. 1973 г.
Фото В. Мурашко

Андрей с женой Ларисой и сыном Андрюшей.
Орлово-Давыдовский переулок, дом 2/5. 1973 г.
Фото В. Мурашко

Союз. Зрители воспринимали фильм по-разному – одни резко отрицательно, другие с подлинным пониманием и восторгом.

«До сих пор получаю письма по поводу «Зеркала» – одни очень хвалят, другие ругают с такой же энергией...»

Из письма Андрея Сергею Параджанову от 24 апреля 1976 года.

В 1975 году Андрей с женой и сыном получают трехкомнатную квартиру. В двухкомнатную квартиру, находящуюся рядом, въезжают мать и дочь Ларисы. Чтобы осуществить такой «обмен», студии сдаются квартиры в Орлово-Давыдовском переулке и на Балтийской улице. Тарковский как член Творческого союза имеет право на дополнительную площадь.

В том же письме Кондрашову от 10 марта 1975 года Андрей пишет:

«Забыл рассказать, что мы с Ларой получили новую квартиру на «Мосфильме», которая, правда, мне очень не нравится по причине своей стандартности и плохого качества в смысле постройки. Так что теперь у нас новый адрес: 1-й МОСФИЛЬМОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 4».

(Сейчас это УЛИЦА ПЫРЬЕВА, ДОМ № 4, КОРПУС 2.)

Новая квартира находилась совсем недалеко от студии «Мосфильм» – только перейти через дорогу. Район этот назывался Потылиха, по названию стоявшего там когда-то хутора. Невдалеке Воробьевы горы, тогда еще Ленинские,

Улица Пырьева (бывший 1-й Мосфильмовский переулок), дом № 4. Современный вид.
Из этого дома в начале марта 1982 года Андрей Тарковский навсегда уехал из России.
Справа от входа видна памятная доска

куда Андрей часто ходил гулять с собакой – овчаркой Дагом. Несмотря на недовольство квартирой, Андрей старается ее улучшить – сделан арочный проем, убран коридорный встроенный шкаф, но отсутствующий паркет на его месте так и не был восстановлен. Не было в доме вешалки, но зато был обставлен кабинет, а в столовой с помощью знакомого, директора мебельного антикварного магазина, появился старинный буфет, большой обеденный стол и резные стулья в готическом стиле, о которых упоминалось выше. Создавалось впечатление, что хозяйка хоть и старались обустроить квартиру, дело до конца не довели, жили как бы на семи ветрах.

В этом же, 1975 году, по договору со студией «Таллинфильм» Тарковский пишет сценарий «Гофманиана», а в начале 1976 года начинает репетиции спектакля «Гамлет» в Театре им. Ленинского комсомола. По согласованию с главным режиссером театра Марком Захаровым Тарковский вводит в спектакль «своих» актеров – М. Терехову (на роль Гертруды) и А. Солоницына (на роль Гамлета).

Итальянский писатель, поэт и сценарист Тонино Гуэрра приглашает Тарковского в Италию для знакомства со страной. Итальянцы хотят, чтобы Тарковский снял с ними совместный художественный фильм. «Путешествие по Италии» – его условное название.

С «Идиотом» продолжается волокита – председатель Госкино Ермаш просит от Тарковского еще одну, уже третью, заявку.

В начале января 1977 года Тарковский приступает к работе над «Сталкером». Пришлось выбирать новые места для натурных съемок, так как в Исфаре (Таджикистан) произошло землетрясение. Было выбрано место в Эстонии, под Таллинном.

В феврале состоялась, наконец, премьера спектакля «Гамлет».

Это год был очень тяжел для Тарковского – в мае у нашей мамы случился первый инсульт. На работе обнаружился брак всего отснятого под Таллинном материала «Сталкера». По словам мастера-монтажера Людмилы Фейгиновой оказалась бракованной пленка «Кодак» – просрочен был срок годности. Необходимо было проверить ее заранее. Это послужило причиной разрыва с оператором Георгием Рербергом. Дирекция студии и работники Госкино предложили Тарковскому переснять материал за счет денег, выделенных на вторую серию фильма.

Сценаристы братья Стругацкие переписывают сценарий для новых съемок – Сталкер теперь будет не алчным проводником, а преданным рабом Зоны. Тар-

ковский собирает новую съемочную группу: оператор А. Калашников, художник Ш. Абдусаламов. Но и с этой группой работа не заладилась. Калашников отказывается работать, сняв всего 250 метров материала, – ему не понравилась тяжелая обстановка в группе. Абдусаламов, человек независимый и знающий себе цену, не устроил жену режиссера. Создана новая группа: оператором стал А. Княжинский, директором картины А. Демидова, художником фильма – сам режиссер.

5 апреля 1978 года, на следующий день после дня рождения (Тарковскому исполнилось 46 лет), у Андрея случился инфаркт. О диагнозе ему сообщил Владимир Иванович Бураковский, кардиохирург, академик АМН. Бураковский был другом Николая Владимировича Шишлина – публициста-международника, советника ЦК. Шишлин был обаятельным, добрейшим человеком. Они с Тарковским были знакомы с 1970 года. Николай Владимирович очень помогал Андрею и советом, и делом.

Еще одним другом поры Мосфильмовского переулочка был известинец, журналист-международник Станислав Николаевич Кондрашов.

Из-за болезни режиссера съемки «Сталкера» были отложены на несколько месяцев. Однако к концу 1979 года фильм был снят. На банкете после премьеры «Сталкера» в Доме кино отец Андрея встал и сказал: «Ты сделал гениальный фильм. Я тебе кланяюсь в ноги».

В Москве и в других городах Советского Союза Тарковский много раз встречался со зрителями. Ему были трудны эти поездки, но он был вынужден таким образом зарабатывать на жизнь. Он бывал в Ленинграде, Казани, Иванове, Ярославле, Рыбинске, Кинешме. Киноклубы, которые его приглашали, были в то время аккумуляторами культуры. Андрея там встречали с энтузиазмом, такие встречи были необходимы провинциальной интеллигенции. Часто организаторы таких встреч попадали под репрессии местных властей. На встрече со зрителями в Ярославле Тарковский скажет: «Мне внушали, что мои картины народ смотреть не будет. Я хочу сказать, что мое уважение к зрителю равно уважению к самому себе. Основываясь на этом я и работаю».

Летом 1979 года Тарковский находится в Италии – идет работа с Тонино Гуэрра над сценарием «Ностальгии» и снимается фильм «Время путешествий». «Сценарий закончен и перепечатан», – записал Андрей в дневнике. Смонтировано и «Время путешествий».

Мария Ивановна Тарковская. 1939 г.

В середине сентября Андрей возвращается в Москву, а 5 октября 1979 года после тяжелой болезни, не дожив месяца до 72 лет, умирает мама.

8 октября на Востряковском кладбище были ее похороны...

Вместе с горем от потери в душе Андрея «...зреет уверенность в необходимости менять жизнь...». Однако у нас дома на поминках по маме (девять дней со дня ее смерти) Андрей произнес: «Они (он поднял вверх палец) очень хотят, чтобы я остался (за границей), но я им этого удовольствия не доставляю»...

В ту пору он плохо себя чувствовал, часто жаловался на недомогание и усталость. Думаю, что уже тогда у брата начала развиваться смертельная болезнь. К сожалению, он не проходил медицинского обследования, не делал рентгеноскопию

легких. Лечился у Джуны, советовался с целителями. Один из них заявил, что никакого инфаркта у Андрея не было, был приступ заболевания печени. Вот так смело был опровергнут диагноз академика Бураковского.

В январе 1980 года Андрею присвоили звание Народного артиста РСФСР. Андрей назвал это присуждением камер-юнкерского мундира. Не устроила его и компания награжденных вместе с ним.

Андрей живет совсем близко от киностудии «МОСФИЛЬМ». На этой главной студии страны он работал с 1960 по 1983 год.

Андрей с отцом в Доме творчества писателей в Переделкине. 1980 г. Фото Г. Пинхасова

На «Мосфильме» за 23 года Андреем были сняты: короткометражная картина «Каток и скрипка» и пять полнометражных фильмов. Большая часть творческой жизни Андрея Тарковского была потрачена не на производство фильмов, а на ожидание и борьбу с киночиновниками – на бесконечные обсуждения сценариев и снятых фильмов, начиная с объединения студии и кончая Госкино, а в некоторых случаях и ЦК КПСС.

Тарковский работал с высокопрофессиональными людьми, которые его ценили и были его преданными помощниками. В их числе Тамара Огородникова, Марианна Чугунова, Людмила Фейгинова, Александра Демидова...

*“... Я сторонник искусства,
несущего в себе тоску по Идеалу.
Я за искусство, которое
даёт человеку Надежду и Веру!”*

Андрей Тарковский

Выдающийся русский кинорежиссер

Андрей Тарковский

работал здесь

в период с 1964 по 1982 гг.

Киностудия «Мосфильм». Современный вид.
Табличка перед входом в монтажную комнату № 414,
где работал Андрей Тарковский

В январе 1980 года Лариса Павловна уезжает лечиться в Казань. Судя по прописанным ей лекарствам, которые Андрей перечисляет в дневнике, врач лечит ее от плохого пищеварения. Она провела в Казани почти полгода, оставив в Москве семью – старую мать, двоих детей и мужа. Андрей очень беспокоился о ее здоровье: «Она полтора месяца была тяжело больна».

В этом же 1980 году советской стороной был составлен Договор об оказании Государственному радио и телевидению Италии (РАИ) услуг по созданию итальянского двухсерийного художественного фильма «Путешествие по Италии» («Ностальгия»). Впоследствии под похожим названием выйдет «пилотный» короткометражный (65 минут) фильм «Время путешествия». С советской стороны Договор должны были подписать Председатель «Совинфильма» и Генеральный директор студии «Мосфильм». В качестве советских творческих работников стоят фамилии Андрея, его жены и Анатолия Солоницына. Два года длились переговоры, два года напряженного ожидания. Только в марте 1982 года был подписан контракт между «Совинфильмом» и РАИ. Но в этом договоре уже не было имени Солоницына – он был тяжело болен.

«Сталкер» был показан на Каннском фестивале и получил премию Экуменического жюри. Чуть позже ему была вручена итальянская премия «Давид Донателло» им. Висконти. В 1981 году фильм получил премию ФИПРЕССИ на кинофестивале научно-фантастических фильмов в Триесте.

В 1981 году Тарковский начинает читать лекции на Высших сценарных и режиссерских курсах (последняя лекция состоялась весной этого же года). (26 декабря 1988 года на вечере памяти Тарковского замечательный актер Александр Кайдановский сказал: «Мне посчастливилось в течение трех лет работать с великим художником. Не знаю, для кого он сделал больше, чем для меня. Я стал актером, он посоветовал мне поступать на режиссерские курсы».)

В феврале по приглашению общества «Великобритания–СССР» Тарковский был в Англии и Шотландии, представлял там «Сталкера». (В Картинной галереи Эдинбурга его внимание привлекла работа Эль Греко «Христос». Через несколько лет я стояла перед этим изображением и не могла отвести глаз от святого лика. Я не знала тогда, что Андрей также стоял перед этой картиной.)

В Москве продолжается работа с А. Стругацким над сценарием «Ведьма», в мае было решено оставить этот сценарий. Некоторые его идеи позже вошли в сценарий «Жертвоприношения».

1-й Щиповский переулок, дом № 26.

Перед отъездом в Италию на съемки фильма «Ностальгия» Андрей Тарковский выбирал «натуру» в Москве. А может быть, он просто пришел попрощаться с родным домом... 1981 г. Фото Б. Балдина

В апреле Тарковский летит в Швецию на премьеру фильма «Сталкер» с планами просить там политического убежища, но не решается на это, жена в телефонном разговоре настаивает. Но он все-таки возвращается, понимая, какие последствия родным в Москве принесет его побег.

Весь этот год проходит в ожидании решения с запуском «Ностальгии». В ожидании Андрей не хочет думать о какой-либо работе на «Мосфильме». Он размышляет над сценарием о святом Антонии.

Тяжело болен Анатолий Солоницын, который должен был сыграть главного героя в «Ностальгии». Операция на легком была сделана слишком поздно. Андрей устраивает ему консультацию у Джуны Давиташвили, хлопочет, чтобы

Одна из встреч Андрея Тарковского со зрителями

Солоницыным разрешили въехать в кооперативную квартиру раньше срока сдачи дома.

Январь 1982 года начался с поездки в Тбилиси вместе с женой и сыном Андреем. В Москве – снова ожидание контракта. Наконец, в начале марта, был подписан контракт на работу в Италии.

6 марта в 1-м Мосфильмовском переулке собрался народ, чтобы проводить Андрея. Кроме родных были старые друзья, а также много незнакомых мне людей. Приехали итальянцы. Андрей знал, что уже никогда не вернется на родину. Мы этого не знали...

7 марта Андрей прилетел в Рим.

А почти через год, 28 мая 1983 года (Андрей еще не заявлял о своем невозвращении) в трудовой книжке Тарковского появляется запись: «Уволен по статье 33 п. 4 КЗОТ за неявку на работу без уважительных причин с 28.05. 83 г.».

Андрей уехал, а на краткий адрес: МОСКВА, КИНОСТУДИЯ «МОСФИЛЬМ» ему продолжали приходить письма от зрителей.

«Хочу выразить Вам свою признательность за все снятые Вами фильмы. Их не спутаешь ни с какими другими. Смотрел их по нескольку раз. К Вашим фильмам, как к хорошим книгам, по прошествии какого-то времени хочется возвращаться снова. И этот повтор не обманывает ожиданий: каждый раз открываешь для себя все новые и новые пласты ассоциаций, до этого неведомых. Спасибо Вам.

С уважением, Владимир Иванов, 33 года, работник типографии. 20.3.84 г.»

«...В январе 1983 года 6 дней по три сеанса в день шел «Рублев». Трудно представить, какой ажиотаж возник вокруг фильма, билеты спрашивали за квартал. Но самое главное – реакция. Во время сеанса люди предельно внимательны, вникают. И никто не встал с места до конца фильма, никто не ушел, как в 71-м. За эти 12 лет люди выросли духовно? Значит, стоят они мучений Ваших? Большое счастье дарить Ваше искусство людям. Вот и ждем мы Ваших работ как события, как откровения.

С глубокой признательностью Матвеева И. Н. Казань»

«Уважаемый Андрей Арсеньевич! Примите наши искренние поздравления с днем рождения и пожелания крепкого здоровья, счастья и огромных творческих успехов! Огромное спасибо за Ваш труд!

Любящие Вас ленинградцы. Приезжайте к нам!»

Юный поэт, школьный друг Тарковского, оказался провидцем – Андрей ушел из жизни «на новом месте» и был похоронен на чужбине.

www.cfund.ru

Марина Арсеньевна ТАРКОВСКАЯ
«ТЕПЕРЬ У НАС НОВЫЙ АДРЕС...»
Московские адреса Тарковских

Подписано в печать 7.10.2014. Формат 70 × 90/16.
Усл. печ. л. 12,87. Печать офсетная. Бумага мелованная 130 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2392 от 20 октября 2014 г.

Отпечатано в типографии ОАО «ВПК «НПО машиностроения»,
г. Реутов, ул. Гагарина, 35

МОСКВА

